

сериал

ДАТЕЛЛА ХАРМОН

Во власти
дури

Данелла Хармон Во власти бури

Серия «Лорды и Меррики», книга 3
Серия «Очарование (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131707
Д. Хармон. Во власти бури: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109483-6*

Аннотация

Кто мог бы поверить, что мужской костюм юного жокея скрывает красоту Ариадны, дочери графа Уэйбурна, бежавшей из разоренного пожаром фамильного имения с последним сокровищем семьи – скаковым жеребцом по кличке Шареб?

Кто мог бы подумать, что под именем скромного ветеринарного врача Колина Лорда, которому Ариадна подарила свое сердце, скрывается британский аристократ, несправедливо опозоренный и порвавший все связи со светом?

Вместе им предстоит пережить множество опасных приключений, найти негодяя, убившего отца Ариадны и устроившего поджог в имении, спасти подругу Шареба – прекрасную кобылицу Газель – и понять, что нет на свете трудностей, которые не превозмогла бы настоящая любовь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	40
Глава 3	65
Глава 4	87
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Данелла Хармон

Во власти бури

Danelle Harmon

Taken By Storm

© Danelle Harmon, 1995

© Перевод. Е. Никитенко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Англия, Лондон, Уэйбурн-Хаус

1810 год

Пожар начался с искры, упавшей в стожок сена, приготовленного на корм лошадям. Лишь струйка дыма, тонкая и блеклая, указывала на грядущую беду, пока сквозняк от распахнутых ворот конюшни не раздул пламя. С ревом и треском стожок занялся в считанные секунды.

Виновник произошедшего с довольным смешком бросил в огонь керосиновую лампу и отшатнулся, когда его опалило жаром, но не спешил покидать место преступления.

Наоборот, его зачарованный взгляд не отрывался от прихотливой игры языков пламени. Жар усиливался, выжимая влагу из каждой поры, грозя опалить брови и волосы, однако злоумышленник медлил, машинально отирая мокрое побагровевшее лицо.

«Это послужит тебе уроком, ублюдок, – думал он со злобным торжеством. – Научит держать слово. Твои лошадки не достались мне, но и тебе придется проститься с ними навсегда...»

Едкий дым сгустился под крышей настолько, что совершенно скрыл балки перекрытий и стекал вниз, словно зловещий темный водопад. Неосторожно вдохнув полной гру-

дью, поджигатель закашлял и вдруг осознал, что промедление может стоить ему жизни. Прикрыв нос и рот платком, он начал отступать к выходу, не отрывая при этом взгляда от разбушевавшегося пламени. Цель достигнута. Никакими силами уже невозможно было отстоять конюшню.

Словно обезумевший демон, пламя пожирало все, что оказывалось на его пути: сено, соломенную подстилку, переборки стойл. Все они были пусты, за исключением последнего, откуда уже раздавалось пронзительное ржание испуганного животного.

Жеребец, к стойлу которого подбиралось ненасытное пламя, был самой ценной лошадью во всей Англии... да что там в Англии – во всем мире! Но злоумышленник и пальцем не пошевелил, чтобы прийти ему на помощь. Наоборот, он с жадностью прислушивался к отчаянному ржанию, вновь забыв о грозящей опасности и не замечая, как обжигает тело разогретая ткань одежды, как волны жара катятся одна за другой, как сохнет кожа, как удушлив насыщенный дымом воздух. Конюшня превратилась в преисподнюю, резко пахло горячей лежалой соломой, деревом, кожей; казалось, сам земляной пол конюшни занялся.

Наконец инстинкт самосохранения заставил преступника сдвинуться с места. Отвернувшись, он бросился к дверям, но замер, словно пригвожденный к месту. Его настигло уже не ржание, а дикий вопль смертельного ужаса. Воображение живо нарисовало жадные щупальца огня, тянущиеся к бес-

ценному животному, обвивающие его, жгучие и беспощадные. Сожаление на миг коснулось черного сердца.

«Все могло обернуться по-другому, Уэйбурн. Старый ты болван!»

Человек пересек порог обреченного строения. Порыв холодного ночного воздуха был так сладок, что он задышал часто и жадно, стремясь избавиться от привкуса дыма во рту. За спиной ревело и бесновалось пламя, трещали балки, обрушиваясь сверху и ломая подточенные огнем переборки стойл.

«Все кончено», – угрюмо подумал он... и вздохнул. Стук подков стремительно приближался. Человек резко повернулся – раздувая ноздри, дико выкатив белки глаз и высоко подняв опаленный, дымящийся хвост, жеребец вырвался из огня настоящим исчадием ада. Отблески пламени плясали на его крупе и черной как смоль гриве. Он мчался прямо на злоумышленника, словно ангел мести. Со сдавленным криком тот отскочил в сторону и упал, потеряв равновесие. Животное пронеслось мимо. Дрожа от потрясения, человек не без труда поднялся на ноги. Он находился к конюшне слишком близко, и каждый раз, когда очередная балка рушилась, сноп искр вырывался наружу, обжигая его.

Шум стоял такой, что в нем терялись все остальные звуки, поэтому поджигатель услышал крики лишь тогда, когда спастись бегством было уже поздно.

От темной громады особняка бежали люди во главе с са-

мим стариком Уэйбурном. Слуги тщетно старались урезонить хозяина.

– Шареб! – снова и снова повторял старик. – Шареб!

Оставив мысли о бегстве, преступник укрылся в тени вяза, листва которого уже начала сворачиваться от невыносимого жара. На лице с правильными породистыми чертами появилось удовлетворенное выражение. С улыбкой он следил за тем, как старый граф, путаясь в халате, размахивает руками. Ночной колпак, по-прежнему завязанный под подбородком, нелепо съехал на спину.

– Шареб-эр-рех!

– Стойте, милорд! Опомнитесь! – кричал один из слуг, пытаясь удержать его. – Не делайте этого!

Крыша частично провалилась. Громадный клуб черного дыма, весь пронизанный искрами, вырвался из отверстия.

– Шареб!

– Милорд, умоляю вас! Поздно! Не ходите туда!

– Шареб-эр-рех!

В слепом отчаянии старый граф бросился в самое пекло через распахнутые и уже горящие ворота. Приостановившись на пару секунд, слуги двумя группами пустились в обход конюшни, не столько в надежде пробраться через другие двери, сколько не в силах бездействовать.

Поджигатель вытянул шею, прислушиваясь, и очень скоро услышал крики старика. Пятясь, тот появился в дверях, неуклюже повернулся, хватая ртом воздух и держась за хо-

дившую ходуном грудь. После нескольких неверных шагов ноги его подкосились и он рухнул ничком прямо на занявшиеся полы халата.

Преступник снова прислушался, потом бесшумно покинул свое укрытие и, обойдя лежащего графа, с холодным любопытством уставился на его дымящуюся одежду. Морщинистые веки старика приоткрылись, он поднял голову, чтобы посмотреть на того, чьи ноги маячили перед ним.

– Ты... – выдохнул он. – Я так и знал... из мести, конечно. Не надо было связываться... с тобой.

Наступило молчание, нарушавшееся лишь треском горящего дерева. Где-то позади конюшни слышались крики слуг, звавших хозяина, но двое у дверей оставались как бы отделенными от происходящего: преступник и невольная жертва – лицом к лицу.

Старый граф уронил голову на утопанную горячую землю, и поджигатель поспешил присесть, чтобы видеть его лицо.

– Увы, Уэйбурн! Это молодой Тристан наврал тебе насчет меня, так ведь? Поэтому ты решил расторгнуть договор?

Вместо ответа Уэйбурн судорожным рывком вытянул руки, пытаясь дотянуться до мучителя, но пальцы лишь заскребли по земле, заставив говорившего пожать плечами и усмехнуться.

– Что тут сказать? Я весь в долгах. Ты здорово подвел меня, и я был бы не я, если бы не возместил это сторицей. А

теперь прощай, и да сгинешь ты в аду!

Он поднялся и какое-то время стоял, равнодушно наблюдая за тем, как морщинистая рука пытается до него дотянуться. Наконец слабое движение прекратилось, глаза графа закрылись, и даже в неверном отсвете пламени было заметно, какой пепельный оттенок приобрело его лицо.

В отдалении послышался тяжелый стук подков. Это возвращался к пылающей конюшне жеребец Уэйбурна.

Преступник помедлил, потом решительно направился прочь, во тьму.

Глава 1

«Предлагается вознаграждение в полторы тысячи фунтов за любые сведения о местонахождении леди Ариадны Сент-Обин, дочери графа Уэйбурна. Упомянутая леди исчезла в ночь пожара на конюшне Уэйбурн-Хауса, стоившего жизни ее отцу.

Возраст: 19 лет.

Приметы: невысокого роста, прекрасно сложена, волосы медно-рыжие.

При ней должен быть гнедой жеребец с белой полосой на морде и белыми “гетрами” на задних ногах.

Заинтересованным лицом выступает новый граф Уэйбурн, брат леди Ариадны. Поскольку означенная лошадь по смерти старого графа является его законной собственностью, он намерен приложить все усилия к розыску.

Со сведениями обращаться в Уэйбурн-Хаус по адресу: Бромптон-роуд, Лондон».

– Думаю, этого достаточно.

«Новый граф Уэйбурн» склонился над роскошным письменным столом в кабинете, унаследованном вместе с титулом, чтобы в последний раз пробежать взглядом строчки составленного документа. Потом поставил размашистую подпись и протянул бумагу дворецкому, застывшему в ожида-

нии.

– Прошу лично удостовериться, чтобы это размножили и отправили в каждую гостиницу, на каждый постоялый двор – словом, в любое мало-мальски приличное заведение отсюда до Кинге-Линн. И пусть «Таймс» напечатает это как можно скорее.

Дворецкий молча вложил в протянутую руку хозяина перчатки, потом головной убор для верховой езды. Тот небрежным жестом нахлобучил шляпу на рыже-каштановые волосы и пошел к двери, бросив уже через плечо:

– Надеюсь, это сработает! Сестра наверняка уже на полпути к Норфолку.

Прежде чем дворецкий успел ответить, дверь открылась.

– Лошадь оседлана, милорд.

– Надеюсь, она достаточно резва, – проворчал Тристан и намеренно громко хлопнул дверью, выходя.

Слуги уже выстроились в шеренгу на ступенях особняка, чтобы проводить молодого хозяина. Вид его был так мрачен, а губы поджаты с такой угрозой, что тому, на кого падал его взгляд, хотелось отшатнуться, как бы хорошо он ни был вышколен.

– Господь не оставит нашу дорогую леди Ариадну, – чуть слышно проговорила одна из горничных и сделала движение, как если бы собиралась заломить руки, но удержалась. – Я буду молиться за нее, Уильям! Пусть она доберется до Норфолка раньше его...

– У нее несколько часов форы, – откликнулся лакей, почти не шевеля губами, чтобы не привлечь ненароком внимание хозяина (лицо его при этом не утратило выражения подобострастия). – И потом с ней Шареб-эр-рех. Ее не догнать.

Безмолвно, с хорошо скрытым неодобрением, слуги наблюдали за господином. Тот сердито подергал подпругу, проверяя, на совесть ли она затянута, косясь при этом на ни в чем не повинную лошадь с таким видом, словно не мог простить ей, что она всего лишь одна из верховых кобыл Уэйбурн-Хауса, а не самый быстрый чистокровный жеребец во всей Англии. Воздух, казалось, был пропитан этим неодобрением, словно электричеством перед грозой. Слуги украдкой обменивались угрюмыми взглядами.

Несчастья просто преследовали леди Ариадну. Сначала от странной, необъяснимой болезни погибли все лошади на племенной ферме, потом произошел пожар на конюшне, столь же загадочный и еще более ужасный, так как стоил жизни старому графу и едва не погубил и самую ценную лошадь. Последним ударом явилось чтение завещания. Без сомнения, намерения графа были самые благородные... однако трудно, почти невозможно было поверить, что он завещал бесценное животное – чистокровного племенного жеребца по кличке Шареб-эр-рех – такому пустоголовому и безответственному моту, как Тристан, пусть даже тот и был ему сыном.

Разве можно винить леди Ариадну за то, что она украла

жеребца и сбежала под покровом ночи?

Молодой граф ничего не знал как о ходе мыслей своих слуг, так и об их симпатиях и антипатиях – и ничуть этим не интересовался. На его привлекательном лице не отражалось и тени сожаления, когда он проходил мимо обугленных руин конюшни. Единственным чувством, оживлявшим его надменную физиономию, был гнев. От него веяло мрачной решимостью, не предвещавшей ничего доброго. Чувствуя это, лошадь опасно выкатила белки и начала пританцовывать, стоило Тристану приблизиться к ней. Теперь, уже взявшись за луку седла, он обернулся к дворецкому, чтобы дать последние указания.

– Если появится кто-нибудь со сведениями, пусть ждет моего возвращения. О деньгах ни слова! Пока расплачиваться нечем, но деньги появятся, как только этот жеребец появится у меня в руках. Помоги мне бог, чтобы это случилось как можно скорее!

С этими словами молодой хозяин Уэйбурн-Хауса вскочил в седло, поднял лошадь на дыбы и вскоре уже скакал к воротам поместья.

* * *

– Скорее, сэр! Это рядом, на улице!

Колину Николасу Лорду достаточно было взглянуть на собаку, чтобы понять, что она умирает. Вокруг собралась

небольшая толпа зевак, преисполненных сочувствия, но бессильных помочь. Увидев Колина, женщина с раскрасневшимся, встревоженным лицом бросилась навстречу.

– Вы ведь ветеринар, сэр, правда? Так мне сказали! Умоляю, сделайте что-нибудь, спасите беднягу Гомера! Я не знаю, что будет с сыном, если собака погибнет! Доктор, прошу вас, прошу!

Требовательный жест ветеринара заставил зевак отступить. Крупный черный мастиф лежал на боку. Тело его было сведено судорогой, зубы оскалены в гримасе агонии, глаза остекленели. Мальчик лет шести-семи почти лежал рядом, обнимая худенькими руками массивную шею собаки и спрятав лицо в густой мех. Услышав энергичные шаги, он поднял голову. Голубые глаза уставились на Колина с безмолвной мольбой, слезы продолжали катиться по совершенно мокрым щекам.

– Моя собачка... мой песик... – проговорил он, с трудом сдерживая рыдания.

– Позволь мне осмотреть его, ладно? – мягко попросил Колин.

Слезы закапали чаще, но ребенок кивнул и поднялся, укрывшись в объятиях матери. Ветеринар опустился на колени на крупный булыжник мостовой и раскрыл чемоданчик, приговаривая: «Спокойно, дружище, сейчас мы тебе поможем». Рука привычным жестом нашла бедренную артерию собаки. Пульс был, но слишком частый и слабый.

Отодвинув губу, он осмотрел десны и убедился, что они почти так же белы, как и зубы. Но не это, а тугое, вспученное брюхо собаки помогло поставить окончательный диагноз.

– Когда он последний раз ел, мадам?

– Несколько часов назад, – ответила женщина, тесно прижимая к себе сына. – Сэр, неужели он...

– Рвота была?

– Только попытки. Я накормила его тушеным мясом с картофелем, он выпил целую миску воды, играл с Томми, а потом мы взяли его с собой в город. Это, знаете ли, очень добрый пес, дети его любят и наперебой ласкают... Боже мой, неужели он умрет!

Ее невольный возглас заставил мальчика вывернуться и броситься к собаке. Вскоре он уже снова полулежал на мостовой, обвивая шею мастифа так отчаянно, словно это могло вернуть того к жизни.

– Гомер, не умирай! Только не умирай, ладно? Прошу тебя, прошу! – Внезапно, не в силах больше сдерживаться, мальчик разрыдался, невнятно умоляя спасти его песика.

Колин водрузил на нос очки, которыми пользовался только во время работы.

– Сделаю, что в моих силах, Томми, а ты пока побудь, пожалуйста, с мамой.

Ребенок подчинился, хотя ему стоило немалых усилий оторваться от собаки. Теперь можно было отдать все свое внимание мохнатому пациенту.

Поскольку животное упало прямо посреди мостовой, это застопорило движение. Останавливаемые на скаку лошади протестующе ржали, скрипели и взвизгивали колеса экипажей, слышались выкрики, полные недовольства, удивления и любопытства. Колин не обращал внимания на суматоху, полностью отдавшись своему занятию. Жадная до зрелищ толпа подступала ближе. Социальные различия ненадолго были забыты, надушенные дамы толкались локтями наравне с давно не мытыми, разящими перегаром бродягами. Ветеринар вдруг ощутил, что задыхается, что ему необходимо пространство и свет.

– Назад, все назад! – крикнул он.

– Дайте же доктору выполнить свой долг! – поддержал кто-то в толпе, скорой на сочувствие и жалость (равно как и на расправу), и все подались назад.

Пес жалобно скулил.

– Вы уже можете сказать, что с ним? – настороженно спросила мать Томми.

– Вздутие кишечника.

– Вздутие... – повторила женщина испуганно.

Колин смотрел на огромное раздутое брюхо красавца мастифа и прикидывал риск того, что собирался сделать.

Если у него заворот кишок, это его убьет, думал он. Однако придется попробовать.

– Видите ли, у него в кишечнике скопилось много газов, по какой-то причине они не выходят. Это случается, и если

газы не выпустить, собака непременно погибнет.

Он обвел взглядом лица вокруг, полные сочувствия и любопытства, и остановил взгляд на приличного вида мужчине, поддерживавшем его пару минут назад.

– Сэр, не могли бы вы мне помочь? Кто-то должен держать собаку, пока я буду с ней заниматься. Да, именно так. Вы все правильно делаете.

Малыш Томми, до того не сводивший с него полных ужаса глаз, спрятал лицо в материнских юбках, снова залившись слезами. Колин подавил вздох, не желая выдавать свою растерянность. Как и все остальные, мать мальчика неотрывно следила за ним; на ее бледном теперь лице застыло выражение безмолвной мольбы. Ветеринару нередко приходилось видеть такие лица. В нем видели спасителя, чудотворца. Не каждый, далеко не каждый человек становится объектом такой слепой, безоглядной любви, как домашнее животное.

– Делайте, что считаете нужным, доктор, – чуть слышно произнесла женщина.

Настало время действовать. Колин достал из недр своего чемоданчика чистую тряпку, бутылку крепчайшего рома и короткую полуую иглу, в которой был единственный шанс на спасение бедняги Гомера. Лицо ветеринара оставалось совершенно бесстрастным, хотя в душе продолжали гнездиться сомнения. Он испробовал это простое средство на овцах, объевшихся свежей травы, но никогда не применял на собаке. Однако выбора не было.

Осторожно ощупав брюхо, Колин нашел нужное место.

Собака почувствовала, что надвигается нечто опасное, и из последних сил попыталась подняться. Ветеринар мягко принудил ее лежать. Он вдруг осознал, что кругом стало очень тихо. Должно быть, кучера экипажей тоже привстали на козлах, чтобы видеть происходящее. Намочив тряпицу ромом, Колин хорошенько протер брюхо, поросшее мягкой темной шерсткой, и придвинулся поближе, прикрыв собаку своим телом от мальчика на случай, если тот найдет в себе храбрость повернуться, потом резким точным движением проткнул вздутие.

У какой-то леди в толпе вырвался испуганный возглас.

Там, где игла пробила стенку брюшины, вырвался целый фонтан красной, густой и невероятно вонючей жидкости, забрызгав Колина все лицо. Он заставил себя не реагировать ни на вонь, ни на тревожный ропот толпы, сосредоточив все свое внимание на крови, интенсивно изливавшейся через дренажную иглу. Вместе с ней, свистя, выходили скопившиеся газы.

Его помощник крепко держал собаку, но явно не потому, что имел способности к ветеринарии. Скорее, он был так потрясен, что потерял способность двигаться. Челюсть у него отвисла, глаза вылезли из орбит, взгляд был прикован к брюху собаки.

Теперь только оставалось положиться на удачу. При завороте кишок животное ожидал перитонит и мучительная

смерть.

Секунды ползли одна за другой с ужасной медлительностью.

После пережитого шока толпа снова притихла в ожидании. Немного погодя Колин нащупал бедренную артерию собаки и сосчитал пульс. Помощник вопросительно возрился на него, но ветеринар промолчал, не желая делать скоропостижных выводов.

«Ты уж постарайся, здоровяк, – мысленно обратился он к мастифу. – Не подведи меня в последний момент, идет? Сейчас ты можешь сделать своего маленького хозяина очень счастливым».

Газы продолжали с шипением вырываться через узкую дренажную иглу, и казалось, что это никогда не кончится. В решающий момент, забывшись, мать мальчика опустила руку на плечо ветеринара, и теперь, сама того не сознавая, впиалась в него пальцами до боли. Без труда можно было предположить, что и она не сводит полных ужаса глаз с иглы и залитого красной жижей брюха. Собака дышала, но так слабо, словно могла в любой момент прекратить дышать вовсе.

Тишина продолжала царствовать на улице, только лошади переступали с ноги на ногу и встревоженно пофыркивали.

Перед глазами у Колина все подернулось туманом. Он перевел взгляд на мостовую, на ноги в такой разной обуви – от туфелек на каблучке до грубых разбитых башмаков – и вдруг отчетливо увидел муравья, деловито пробиравшегося

между двумя булыжниками. Вот он преодолел соломинку, вот перевалил через кучку песка, вот обогнул камешек. Все это казалось ему, должно быть, гигантским...

Ветеринар с трудом подавил желание потрясти головой.

Колени начали болеть от долгой неподвижности, и солнце припекало не на шутку.

И вдруг свистящий звук ослабел! Он все стихал и стихал, пока не смолк совсем. Колин сделал глубокий, жадный вдох и осторожно вынул иглу. Сердце его, оказывается, билось в бешеном ритме, пот заливал глаза.

Только теперь, когда все могло кончиться благополучно, Колин поднял взгляд и обвел им толпу. Он уже приготовился высказать свое мнение, как вдруг одно лицо привлекло его внимание. Оно принадлежало женщине – вернее, девушке, – сидевшей верхом на жеребце темно-гнедой масти. Животное стояло совершенно неподвижно – должно быть, потому, что морду его прикрывали парусиновый колпак и самые массивные шоры, какие только доводилось видеть Колину. Девушка сидела в седле по-мужски и смотрела на него. Ее даже можно было принять за невысокого хрупкого паренька благодаря жокейской шапочке и бриджам, если бы не оттопыривавшийся на груди жакет.

Хотя девушка приложила немало усилий, чтобы как можно тщательнее спрятать волосы под шапочку, их цвет угадывался без труда. Только у обладательниц медно-рыжих волос кожа бывает такой безукоризненно чистой и белой, как слив-

ки. Изящные дуги темно-рыжих бровей были слегка приподняты, голова высоко вскинута, темные глаза торжествующе смотрели на Колина, как если бы на ее глазах он спас от неминуемой смерти какую-нибудь важную персону.

Когда взгляды их встретились, девушка слегка склонила голову. Это было не то чтобы приветствие, скорее дань уважения. На ее лице не было и тени сомнения, что все кончится благополучно.

Ощувив неловкость, Колин быстро отвел взгляд и вернулся к «пациенту». Очередное прослушивание пульса обнадеживало. Собака задышала ровнее, и хотя была еще очень слаба, жизнь понемногу возвращалась к ней. Ветеринар сразу же забыл о девушке на лошади.

– Вот так-то лучше! – вырвалось у него, и толпа, словно только и ждала поощрения, придвинулась ближе. – Так как, ты говоришь, твое имя? Гомер? Хорошее имя, славное. А теперь давай понемногу приходить в себя, старина! – Он потрепал по мощной шее и выжидательно уставился на полузакрытые глаза животного.

Мастиф заскулил и поскреб лапами по мостовой. Жалобное поскуливание сменялось глухим завыванием, по мере того как возвращалось сознание и с ним боль. Широкая лапа снова заскребла по булыжнику, и собака перекатилась на живот. Невнятный ропот толпы постепенно распадался для нее на отдельные выкрики, возгласы, восклицания, пока детский плач не выделился из общей какофонии и не завладел вни-

манием. Карие глаза открылись и замигали, массивная голова мастифа приподнялась, и с минуту он смотрел прямо в синие глаза своего спасителя. Колин мог бы поклясться, что собака понимает, что именно произошло, и что взгляд ее преисполнен благодарности. Ему не единожды приходилось наблюдать такое в своей практике, и каждый раз это было как впервые.

Он улыбнулся. Хвост мастифа застучал по мостовой.

Толпа, уже радостно возбужденная, пришла в полное неистовство.

– Гомер, собака моя хорошая! – восторженно взвизгнул Томми и вырвался из рук матери, чтобы обнять своего любимца.

У Колина заложило уши от его вопля, да и от приветственных криков заодно. К тому же ноги отказались держать его, и, приподнявшись, он едва не упал. Его хлопали по спине и награждали одобрительными тычками, какой-то бродяга совал ему в лицо бутылку с подозрительного вида жидкостью, но он только развел руками, улыбаясь всем и никому в отдельности. Мать мальчика застыла, не спуская глаз с сына, рыдавшего – теперь от радости – возле мастифа.

– Гомер, мой маленький песик! – повторял Томми, обнимая громадную собаку, шею которой не мог целиком обхватить.

Колин удовлетворенно вздохнул, сунул очки в карман и старательно вытер лицо носовым платком. Мать мальчика

смотрела на него взглядом, полным обожания.

– Сэр!

– Этот «маленький песик», – сказал ей Колин с усмешкой, – сможет съесть еще немало тушеного мяса с картофелем, но, если вас интересует мое мнение, лучше от этого воздержаться.

– Сэр, как я могу вас отблагодарить?

Женщина была бедно одета, и Колин отмахнулся. Непроизвольно взгляд его вернулся к тому месту, где недавно красовалась девушка на гнедом жеребце – такая ухоженная, хорошо воспитанная и, несомненно, богатая леди, почему-то заинтересовавшаяся уличным происшествием.

Разумеется, ее уже не было.

– Я хочу заполучить этого человека!

Группы Дэниел и Саймон, со всеми предосторожностями выведившие Шареба из возбужденной толпы, замерли на месте с такой поразительной синхронностью, словно их разом выключили.

– В каком смысле? – спросили они разом, таращась на хозяйку.

Леди Ариадна Сент-Обин только поглубже надвинула жокейскую шапочку на лоб и слегка ударила пятками в бока жеребца, понукая его двигаться вперед. Перед ее мысленным взором снова возникла картина, представшая на дороге через город: громадный черный мастиф с оскаленной в агонии

пастью и ветеринар на коленях перед ним – русая голова низко склоняется к темной шерсти животного. Леди Ариадна нарочно объехала толпу, чтобы видеть лицо этого человека. Ее поразило выражение решимости, не покинувшее его и тогда, когда больная, смешанная с гноем кровь ударила прямо в стекла очков. Он и не подумал отшатнуться, этот незнакомец, в то время как сама она ощутила дурноту и сильнейшее отвращение. Закатанные по локоть рукава открывали сильные руки, и пальцы его не дрожали...

– Миледи!

Каким чудом казалось воскрешение собаки из мертвых!

Как она смотрела в глаза своему спасителю, сколько благодарности и понимания – да-да, понимания! – читалось в ее взгляде! Леди Ариадна чувствовала, что впрямь оказалась свидетелем чуда, которое останется в памяти на всю жизнь.

– Повторяю, я хочу заполучить этого человека, – тоном, не терпящим возражения, произнесла она, намеренно глядя вдаль между ушами жеребца, а не на лица грумов.

– Однако что вы этим хотите сказать?

Теперь леди Ариадна снизошла до того, чтобы повернуться к своим спутникам.

– Я имею в виду, что мне нужен надежный эскорт в путешествии в Норфолк. Такой, которому я могла бы доверить жизнь и здоровье бесценной лошади. Шарб-эр-рех нуждается в постоянном присмотре, поэтому вы последуете за этим человеком до его кабинета и дождетесь наступления

темноты.

– Зачем?

– Затем, что в темноте легче похитить человека.

Грумы смотрели на хозяйку с тревогой, явно подозревая, что рассудок ее помутился.

– Однако, миледи! – наконец воскликнул один из них. – С тем же успехом мы с Саймоном можем сопровождать вас до самого Норфолка! Мы будем заботиться о лошади и защищать вас от опасностей. Ей-богу, мы постараемся, чтобы брат не догнал вас...

– Да, но ни один из вас не смыслит в ветеринарии, в то время как этот человек – мастер своего дела. Итак, он мне нужен, и покончим с этим.

Леди Ариадна еще больше выпрямилась в седле, хотя это казалось невозможным, и еще выше вскинула подбородок, всем своим видом демонстрируя, что больше не намерена слушать возражения слуг.

– Дэниел, пойди и узнай его имя! Саймон, зайди в лавку на другой стороне улицы, купи там по полдюжины каждого сорта пирожков, которые так аппетитно выглядят на витрине, и две... нет, три бутылки эля. Я буду ждать вас обоих в Гайд-парке после наступления сумерек – с ветеринаром.

Шарб-эр-рех спокойно стоял под деревьями, там, где его оставила леди Ариадна. Ночь выдалась свежая, почти холодная, и это ему не нравилось. Противно запищал комар, и пришлось несколько раз энергично пошевелить ушами, что-

бы его отогнать. По тропе для верховой езды, проходившей неподалеку, спускались две кобылы, слышался низкий мужской голос и женский смех. Укрытый сумерками, жеребец насторожил уши, прислушиваясь. Белки его глаз блеснули, когда он проследил за движением лошадей.

При свете дня было бы заметно, что зрачки его отливают синевой.

Тело у Шареба было удлиненное, с крутыми боками и широкой грудью, с изящными, но крепкими ногами. Он был не особенно высок в холке, но оказался удивительно хорош и пропорционально сложен. В его взгляде было что-то удивительно лукавое, как если бы в душе он так и оставался жеребенком, а в жилах текла кровь настолько благородная, насколько это возможно для лошади, и само существование его было результатом многолетних опытов старого лорда Уэйбурна. Он был единственным оставшимся в живых производителем, потомком двух чистокровных генеалогических линий, и это делало его бесценным.

Однако в данный момент этот бриллиант чистой воды мало сознавал свое исключительное положение. Он был занят парой кобыл, чье присутствие вызывало его живой интерес. Они уже успели уловить его запах и поощрительно пританцовывали на месте. Негромкое приветственное ржание помимо воли вырвалось у жеребца. Шареб-эр-рех двинулся на открытое место... и замер, услышав шаги хозяйки.

– Назад, Шареб!

В следующее мгновение одна ладонь легла ему на морду, другая на грудь, и его начали подталкивать назад, в густой сумрак, в заросли.

– Ты что, хочешь, чтобы тебя заметили?

Даже упрек в голосе леди Ариадны не заставил его отвести взгляда от кобыл, пока те, понукаемые седоками, не скрылись из виду. Наконец и стук копыт затих в ночи, только запах остался – упоительный запах четвероногих леди голубых кровей. Обманутый в лучших ожиданиях, жеребец глубоко вздохнул, отчего подпруга жалобно заскрипела на мочушках боках.

Оглаживая его крутую шею, леди Ариадна в виде компенсации протянула ему на ладони сладкий пирожок, но жеребец не прикоснулся к лакомству. Тогда она вынула пробку из бутылки с элем и поднесла к широко раздутым ноздрям. Шареб-эр-рех демонстративно отвернулся. Некоторое время девушка в нерешительности смотрела на его недовольную морду, потом со вздохом заткнула бутылку пробкой.

Сначала отец был вынужден в спешке вывезти его из Норфолка в Лондон, чтобы уберечь от страшной эпидемии, погубившей всех остальных лошадей, а теперь Ариадна, наоборот, перегоняет его из Лондона в Норфолк, чтобы уберечь от загребущих рук транжиры-брата. Подумать только, после такого потрясения, как пожар, броситься сломя голову прочь, а теперь еще дожидаться в каких-то зарослях, пока доставят похищенного ветеринара! Бедняга Шареб достоин лучшего,

чем вся эта суматоха.

Ариадна спрятала так и не съеденный пирожок и прижалась щекой к морде жеребца, чувствуя, как теплое дыхание бархатных ноздрей шевелит прядку волос, выбившихся из-под шапочки.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – заговорила она негромко, понизив голос и сделав его мягким, ласковым и отчасти почтительным (как, по ее мнению, и полагалось разговаривать с лошадыю таких благородных кровей). – Ты думаешь: «Ветеринар, этого только не хватало! Зачем мне, Быстрому-Как-Ветер, какой-то там ветеринар? Я в добром здравии, разве не так?»»

Шарб-эр-рех снизошел до того, чтобы слегка повернуться в ее сторону. Потом он поднял одну из забинтованных передних ног, как бы предлагая снять повязку, затруднявшую движения.

– Ну что? Я угадала?

Жеребец положил голову ей на плечо, пытаясь снять колпак, которым для маскировки была прикрыта большая часть его морды. Он делал это так целеустремленно, что в конце концов поцарапал Ариадне руку и ей пришлось ухватить его за уздечку. Но девушка не переставала напряженно всматриваться в темноту. Ночью каждый звук разносится дальше и кажется значительным. Шорох листвы там и тут в кронах деревьев, где блуждал ветерок, стрекот цикад в траве и более отдаленный звук, очень похожий на стук колес по мостовой,

вероятно, где-то на Парк-лейн.

Ариадна нервно сглотнула, внезапно осознав, что находится в полном одиночестве, без защиты. Она очень надеялась, что Дэниэл и Саймон – грумы, которых она в спешке прихватила, – будут на месте с минуты на минуту, и, конечно, не с пустыми руками. Мысли сами собой вернулись к симпатичному ветеринару с его русыми волосами и сильными руками, склонившемуся над умирающей собакой. Вспомнились и испытанные в тот момент чувства: ужас, отвращение, изумление и, наконец, едва ли не благоговение. Она почти лишилась чувств тогда, словно трепетная барышня! А потом были восторг и триумф, которые она разделила с ветеринаром, когда взгляды их встретились. Сейчас самым важным было заполучить его и убраться из Лондона как можно скорее.

С сильно бьющимся сердцем миниатюрная леди Сент-Обин увлекла своего четвероногого подопечного глубже под сень деревьев. Меньше всего ей хотелось думать о том, сколько народу уже идет по их следу, но не думать не получалось.

Ночь окутала окрестности, и за окном совсем стемнело.

Усталый, но довольный прошедшим днем, Колин взял лампу и отправился на конюшню, вплотную примыкавшую к его кабинету. Собственно, с большой натяжкой можно было назвать кабинетом комнату привратника. Это помещение и

два стойла ему предоставил владелец конюшни в обмен на уход за лошадьми, а потому ежевечерний обход вошел у ветеринара в привычку.

В данный момент оба его «личных» стойла были пусты, но он все же заглянул в каждое, помедлив у второго. Сожаление вновь сжало сердце. Бедный старина Нед, верой и правдой служивший ему два года! Он был так стар, что больше походил на мешок с болезнями, чем на лошадь. И все же Колин отчаянно сожалел, что вопреки всем стараниям мерин не протянул хотя бы годом больше.

– Мне недостает тебя, старина... – тихо произнес он, глядя на пустую кормушку.

Лошади неожиданно разом перестали хрустеть сеном, и отсутствие привычного звука вывело Колина из задумчивости.

Оглядевшись, он увидел, что животные водят ушами, прислушиваясь. Впрочем, скоро они вернулись к привычному занятию. Покидая стойло, ветеринар провел ладонью по краю дверцы, где застряло в зазубрине несколько светлых волосков из гривы.

– Дьявольски тебя недостает... – пробормотал он, старательно прикрыл дверцу и пошел между стойлами. Ноющая боль в правой ноге немного отвлекла его от переживаний. Судя по всему, следовало ждать дождя.

Лошади поднимали головы от кормушек, чтобы проводить его преданным, любящим взглядом. Хозяин давно уже

ушел домой, оба конюха тоже не задержались, поскольку все вечера просиживали в «Синем петушке», упиваясь в стельку. Каждый раз они звали Колина с собой, и каждый раз он вежливо, но твердо отклонял приглашение. Не то чтобы он любил одиночество – просто был не из тех, кто жить не может без компании, все равно какой. Он предпочитал интересную беседу, а не бессмысленный обмен расхожими фразами, и потому во время морской службы чаще отсиживался у себя за чтением, чем заходил в офицерскую кают-компанию. Его не тяготило пребывание вдали от берега, хотя кое-кто из команды досадовал на это.

Крепкий серый мерин положил морду на дверцу, и Колин рассеянно погладил его по морде. Мысленно он прикрикнул на себя: что толку вспоминать славные времена морской службы? Они закончились – он навлек на себя позор и бесчестье, и это низвергло его с сияющих вершин во тьму безвестности и довольно унылой, однообразной жизни. С тем же успехом он мог бы попросту исчезнуть с лица земли.

Однако Колин продолжал если не жить, то существовать и потому вспоминал и сравнивал. Некогда блестящий военный, герой, теперь он был просто ветеринаром и лишь иногда, как сегодня, когда собака вернулась к жизни, когда ребенок и его мать смотрели на него с обожанием, чувствовал нечто отдаленно похожее на то, что навсегда осталось в прошлом.

Колин двинулся дальше, заметно прихрамывая. Размыш-

ления привели его к девушке на гнедом жеребце. Настоящая леди, никаких сомнений. Элегантная, красивая, самоуверенная. Как она оказалась в толпе? Зачем смотрела на происходящее? О чем при этом думала?

Ветеринар усмехнулся. Вот уж чего ему никогда не узнать, так стоит ли забивать этим голову? Для него навсегда останется тайной, кто она и откуда и что означало ее неожиданное внимание. Разумеется, девушка не раз вспоминалась ему в течение дня, и ничего удивительного в этом не было. Ему приходилось иметь дело с животными гораздо чаще, чем с людьми, которые оставались, в сущности, безликой толпой, просто хозяевами своих любимцев. Неудивительно, что лицо, на которое он обратил особое внимание, запало в память. Похоже, так и дичают, подумал Колин и снова усмехнулся. Пожалуй, когда его снова позовут в «Синий петушок», стоит согласиться, хотя бы ради смены обстановки.

Завершив «врачебный обход», он повернул назад. Пол конюшни был земляной, забросанный соломой и приглушал шаги, и тем явственнее было слышно, как лошади в стойлах сосредоточенно хрустят свежим сеном. Порой они тяжело переступали с ноги на ногу, отфыркивались или шумно пили воду. Все это были привычные звуки, все было, как всегда, в полном порядке. Удовлетворенный осмотром, Колин вернулся в кабинет, чтобы захватить чемоданчик и книгу, которую читал в перерывах между посетителями.

К его удивлению, в помещении был посетитель. Там пере-

минался с ноги на ногу мужчина средних лет, по виду фермер. Он явно был не в своей тарелке и отчаянно комкал выдавшую виды шляпу.

– Чем могу служить? – вежливо осведомился Колин.

– Маккарти! – прогудел гость, сунув ему широкую мозолистую руку. – Такое будет мое имя. Зашел я с тем, чтобы, значит, пожать вам руку. Насчет той собачки... она ведь парнишки моего, Томми. Они с женой в городе покупки делали и все такое...

Колин водрузил лампу на стол и пожал протянутую руку, сделав при этом ничего не значащее замечание о том, каким хорошим пациентом оказался Гомер. Изъявления благодарности смущали его.

– Вы меня не знаете, – продолжал фермер своим гудящим, как в пустом бочонке, голосом, с уважением и страхом глядя на ряды склянок с лекарствами, – а я-то вас хорошо помню. Я как прослышал, что будет лекция насчет, значит, лошадиной хромоты, так прямиком в город. Скажу вам, мистер Лорд, толковый вы человек, не то что некоторые. Накрутят всякого, ученых слов напихают – простому человеку и не понять.

Колин кивнул, принимая комплимент, и подавил улыбку. Фермер никак не мог оторваться от созерцания флакона ярко-синего стекла, все время возвращаясь к нему взглядом.

– Неловко мне, ох как неловко беспокоить хорошего человека, когда ему самое время держать путь домой... ужин

и все такое... но вы уж простите, мистер Лорд, я ведь еще вот зачем... кобылка у меня захворала! – Выпалив это, фермер наконец перевел дух и продолжал: – Этот плут работник растер ее плохо, вот ветром и прохватило. Теперь с носа у нее течет, как у нашего брата при простуде, и кашляет, бедолага. Коновал ей сделал кровопускание, а толку нету. Вот и пришлось мне в голову: а не съездить ли к вет... ветеринару?

– Кобыла с вами?

– Нету, – окончательно сконфузившись, прошептал Маккарти громовым шепотом. – Побоялся я брать ее, совсем, значит, ей худо.

Внимание Колина привлек звук мерного постукивания по кровле – начался дождь. Ноющая боль в ноге, казалось, сразу усилилась, и пришлось усесться прямо на край стола.

Чтобы отвлечься, Колин потер переносицу, расчесал пальцами, как гребнем, густые светлые волосы.

– Мистер Лорд, вид-то у вас больно усталый. Я уж завтра поутру...

– Все в порядке, – заверил Колин, думая о том, что утром вряд ли будет чувствовать себя лучше при такой-то сырости, да и ночью скорее всего не сомкнет глаз. – Вернемся к больной кобыле.

– По-вашему, нужно опять делать кровопускание?

– Ни в коем случае!

– А коновал говорил...

– Можете не повторять, что он говорил. Наверняка то же

самое, что говорит каждый, у кого в руках ланцет или банка с пиявками. Послушать их, так другого и средства нет, будь у животного колики или воспаление легких! На мой взгляд, чаще всего это просто ненужная жестокость. Вот что, для начала возьмите пару попон и укройте лошади спину. Вместо сена запарьте зерно, растолките с водой и дайте ей горячим. Пусть пару дней побудет в стойле, да подальше от остальных лошадей, чтобы ненароком не перезаразились.

С полминуты фермер молча смотрел на него, по обыкновению не спеша и основательно обдумывая полученный совет, потом медленно кивнул:

– Угу. Значит, пара попон, пареное зерно, два дня без работы, – повторил он, загибая пальцы, – кровопускание не делать.

– Не делать, – подтвердил ветеринар.

– Благодарствую, мистер Лорд! – В порыве признательности Маккарти схватил его руку и энергично потряс, едва не вывихнув. – Что с меня возьмете за это?

– Разве что обещание не пускать своей лошади кровь без нужды. Ну а если совет не поможет, пошлите за мной и я приеду взглянуть, в чем дело.

– Пошлю, конечно, пошлю! Простите, что беспокоил!

Фермер так энергично нахлобучил шляпу, что почти оторвал ветхие поля, потом зашагал к двери.

– Вы меня нисколько не...

Колин умолк, заметив, что остался в одиночестве. Жиз-

нерадостно насвистывая, фермер стремительно удалился во тьму, и завеса дождя поглотила его. Дверь медленно качнулась назад и закрылась с мягким стуком. Какое-то время ветеринар оставался в той же позе, прислушиваясь к тому, как шумит мелкий дождь, падая на дранку кровли. В приоткрытое окно веяло прохладой и особенным запахом, свойственным сырой погоде. И другие запахи были там, снаружи, – притягательные, волнующие. Пахло мокрой землей и молодой травой, какими-то цветами из тех, что раскрываются ночью. Пахло промытым, свежим воздухом.

Колин с удовольствием представил себе дорогу домой.

Ему была совершенно чужда хандра по причине плохой погоды. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, а значит, и любую погоду.

Ветеринар вложил закладку и закрыл книгу Делабера Блейна «Основы ветеринарии», потом, постояв в раздумье перед этажеркой, выбрал «Некоторые любопытные эксперименты с ногами лошадей» Брейси Кларка. Оба автора были широко известны: первый – своими диагнозами при хромоте, второй – открытиями в области аномалии лошадей. Колин особенно надеялся на книгу Кларка с ее красочными иллюстрациями и подробными объяснениями. Чтение такого рода в отличие от легкого требовало внимания и сосредоточенности. Возможно, удастся отвлечься от болей в ноге.

Сунув книги под мышку, ветеринар запер дверь на конюшню и подхватил чемоданчик. Выпрямляясь, он заметил

тень, скользнувшую мимо окна. Будь оно полностью закрытым, вряд ли удалось бы заметить ее за стеклом, на фоне общего мрака, а так взгляд успел поймать движение.

Какое-то время Колин озадаченно вглядывался в ночь.

Стука в дверь не последовало – значит, это был не запоздалый посетитель. Стук дождя показался громче, а ночь темнее, и рука сама собой рванулась к бедру. Потом пришло отрезвление. Кортик, как и форма морского офицера, остался в прошлом.

Хмурясь, Колин бесшумно опустил книги на стол, взял лампу и осторожно приблизился к двери, не спуская при этом взгляда с окна. Несмотря на мирный образ жизни, он по-прежнему не любил тени, крадущиеся во тьме.

С минуту он прислушивался. За дверью было тихо. Резким движением распахнув ее, он всмотрелся в ночь.

Никого. Ничего.

«Ты смешон, приятель, – обратился он к самому себе. – Все еще бредишь былыми подвигами и опасностями? Брось это! Ты уже не командир восьми сотен матросов, а простой лондонский ветеринар. Пора бы привыкнуть».

Криво усмехаясь, он задул лампу и снова подхватил книги. Как только наступила темнота, подозрения вернулись.

Чувствуя себя немного нелепо, Колин все же постоял, прислушиваясь, прежде чем направиться к двери. Помещение было безмолвным, но не чуждым. Два года прошло в его стенах. Два года, когда день за днем он лечил, спасал жизни,

выхаживал – короче, делал все для созданий, которые даже не могли высказать, что их мучает. Очень возможно, что и остаток его жизни, как бы он ни был долгов, пройдет здесь.

Наконец он вышел в сырую прохладу. Его лицо тотчас покрылось капельками, словно орошенное из лейки с мелкой сеточкой. Ветерок налетел и умчался снова.

Улыбаясь, Колин запер дверь и положил ключ в карман.

В следующее мгновение что-то обрушилось ему на голову.

Книги со стуком свалились на единственную ступеньку, перед глазами замелькали искры. Колин еще успел услышать собственный возглас удивления и боли, и сознание его померкло.

Глава 2

Леди Ариадна ждала, беспокойно прохаживаясь под деревьями. Вокруг не было ни души, только безмолвный и темный Гайд-парк, скрытый пеленой мелкого дождя. С листьев текло, и девушка успела промокнуть; мягкие жокейские сапожки, непригодные для сырой погоды, пропитались влагой насквозь.

Было уже довольно поздно, часов десять, и лишь редкие запоздалые экипажи проезжали по Парк-лейн. Дэниелу и Саймону давным-давно полагалось вернуться с ветеринаром, но их не было и в помине.

Мало-помалу тревога сменилась страхом, а потом девушку охватило отчаяние.

Добрая половина личного наследства Ариадны была зашита в край попоны, укрывавшей спину Шареб-эр-реха, но не страх лишиться денег леденил ей кровь.

Этот ветеринар! Он так пристально посмотрел на нее тогда! Что, если он узнает ее по описанию, разосланному Тристаном? Что, если он уже на пути в Уэйбурн-Хаус за вознаграждением?

Чутко улавливая настроение хозяйки, Шареб-эр-рех придвинулся ближе и ткнулся головой ей в руку. Он терся, как ластящаяся собака, пока Ариадна не запустила пальцы в его гриву и не начала ласково почесывать. Какое-то время

это действовало на нее успокаивающе, но потом неприятные мысли вернулись.

Облака начали расходиться, дождь затих; теперь от мокрой травы поднимался туман, сквозь который бледным нерезальным пятном проглядывала луна. Серебристая дымка колебалась и плыла, отчего тени деревьев и кустов, казалось, перемещались. Внезапно неподалеку – Ариадна чуть не подпрыгнула – с визгом и воем сцепились коты. Она как будто оказалась в чужом, пугающем мире, полном злых духов, только и ждущих случая напасть.

Шароб, однако, не был наделен излишним воображением. Он только повел ушами (было в этом движении что-то пренебрежительное) и потянулся к мокрой траве под ногами хозяйки. Стоило ему отщипнуть пучок, как повеяло ароматом свежесрезанной зелени. Он смешался с запахом мокрой кожи лошади и пропитанной дождем земли.

Шароб пасся, но не терял бдительности. Это было заметно по тому, как время от времени поворачивались его уши, ловя каждый звук. Оглядев его, Ариадна в очередной раз огорчилась, что пришлось прикрыть уникальную красоту ее любимца.

До пожара грива жеребца была роскошной, угольно-черной, но он так сильно опалил ее, спасаясь от огня, что Ариадна была вынуждена обкорнать ее, оставив только щетку жесткого волоса. По той же причине был сильно подрезан и некогда пышный хвост. Гордую голову изуродовали шоры с

колпаком; попона, прижатая подпругой и седлом, покрывала большую часть туловища, толстые повязки на боках стесняли движения и не позволяли гарцевать и пританцовывать. Трудно, очень трудно было узнать в этом страшилище гордость Англии. Нельзя позволить Тристану выследить их, подумала Ариадна, опуская взгляд на свой жокейский наряд.

Рваные облака скользили мимо, ненадолго скрывая луну, и казалось, что это бледно-желтый диск плывет по небу от облака к облаку. Стиснув кулачки в неожиданном порыве, Ариадна подняла лицо к небу и поклялась про себя: «Папа! Я не позволю, чтобы Шареб-эр-рех попал в жадные руки Тристана! Это наша лошадь, и я сделаю все, чтобы сохранить ее!»

– Даже если для этого понадобится похитить всех ветеринаров Лондона, – тихо добавила девушка вслух и крепко зажмурилась, пытаясь остановить слезы – роскошь, на которую не имела права до счастливого избавления.

Потом, позже, она оплачет смерть отца и их общее счастливое прошлое. Потом, но не теперь.

Жеребец вдруг громко фыркнул и потянул Ариадну за полу куртки. Стоило ей откупорить бутылку эля, как он ухватил горлышко, крепко зажал его зубами и вскинул голову, глотая сладковатую хмельную жидкость. Опустошенную бутылку он отбросил в сторону небрежным жестом завязатого кутилы, потом снова потянул хозяйку за полу.

– Ну, что теперь? – с напускной строгостью спросила Ари-

адна, прекрасно зная, чего от нее ждут.

Шарерб-эр-рех ткнулся носом ей в карман. Она отступила. Жеребец последовал за ней. Она сделала шаг в сторону.

Он повторил маневр. Этого оказалось достаточно, чтобы высушить слезы и вернуть улыбку на уста Ариадны. Чуткий, как все близкие к людям животные, он безошибочно знал, когда хозяйка нуждалась в утешении.

Уже смеясь, Ариадна попыталась отпихнуть его, хотя и без особого успеха.

– Не хочешь и минуты подождать? Да ты самая непоседливая лошадь из всех, с какими папа имел дело!

Девушка извлекла из кармана последний пирожок, развернула его и отломилась половину. Услышав шуршание бумаги, жеребец разволновался. Он ткнулся мордой Ариадне в руки, прихватил за пальцы мягкими губами. Положив пирожок на ладонь, она с улыбкой следила за тем, как деликатно ее любимец берет угощение. Только тихий хруст и шорох капель, падающих с ветвей, нарушали безмолвие ночи.

Но вот послышалось нечто иное.

Первым насторожился Шарерб. Он вскинул голову и напрягся всем телом. С прилипшими крошками на морде жеребец выглядел забавно, и Ариадна засмеялась бы, не будь она так встревожена.

Послышались мужские шаги, и девушка возблагодарила Бога за то, что грумы наконец вернулись. Она нетерпеливо бросилась навстречу – и замерла, округлив глаза.

– Что это?! Вы что, с ума сошли? – воскликнула она в негодовании. – Мне нужен ветеринар, а не бесчувственное тело!

Грумы остановились и уставились на свою ношу с таким видом, словно не понимали, откуда она взялась. Они несли ветеринара боком, так что одна рука волочилась по мокрой траве.

– А что нам оставалось, миледи? – спросил наконец Саймон. – Вежливо попросить, что ли? Вы в бегах в конце концов!

– Кладите его! – сердито приказала Ариадна.

– Что, прямо здесь?

– Кладите же!

Девушка уже стаскивала с себя куртку. Свернув ее, она опустилась на колени рядом с неподвижным человеком и подложила ее ему под голову. При этом она вынуждена была приподнять его за шею, и ощущение теплой кожи застало Ариадну врасплох. С трудом удержавшись, чтобы не отдернуть руку, она устроила жертву своих не в меру услужливых слуг поудобнее. «К счастью, сейчас темно, – растерянно подумала девушка. – Они не могли заметить, что я дотронулась до него рукой без перчатки».

– Ну и что вы с ним сделали? – сурово осведомилась она, чтобы скрыть смущение.

– Так, приложили маленько по затылку, – буркнул Дэниел.

– Очень хорошо! В таком виде он принесет мне много

пользы! – Ариадна сверкнула глазами на сконфуженных грумов.

– Да очухается он, вот увидите. Удар-то был так себе...

– Вообще никакого удара не должно было быть! – перебила она, озабоченно вглядываясь в лицо ветеринара. – Это было совершенно ни к чему. А теперь выкладывайте все, что знаете!

Но она невнимательно слушала собранные Дэниелом и Саймоном сведения, поскольку предавалась созерцанию.

Объект ее интереса никак не мог этому помешать, поскольку упорно не приходил в себя. Волосы у него были светло-русые, почти белокурые. К тому же они и не думали виться по моде, и к густым светлым прядям так и просилось определение «льняные». Умный лоб казался чрезмерно высоким, а нос – длинноватым, зато в чертах не было и намека на слабохарактерность. Было грустно и обидно видеть человека незаурядного в таком состоянии, тем более в день его очевидного триумфа. Влажная прядка волос (должно быть, она упорно падала на лоб вопреки всем усилиям придать прическе достойный вид) прилипла к коже и казалась темнее прочих.

Отбросив условности, леди Ариадна осторожно отвела ее со лба... и тотчас опомнилась. Что это на нее нашло? А если бы этот человек очнулся в тот самый момент, когда она прикасалась к нему? Что бы он подумал о ней!

К счастью, он все еще в забытии, даже ресницы не дрог-

нули. Ариадна помнила, что в глазах, сейчас закрытых, светится ум и что смотрят они прямо, не избегая взгляда.

Знает ли он, кто она такая? Вероятно, догадывается... должен догадаться. Может быть, у грумов не было другого выхода, кроме как прибегнуть к насилию, ведь она не оставила им выбора...

Внезапно ветеринар застонал. Это заставило Ариадну отшатнуться.

– Принеси лампу, Саймон! Похоже, он приходит в себя.

Неприлично было сидеть рядом с незнакомцем, но Ариадна не встала, а лишь немного отодвинулась.

Веки приподнялись, медленно и как бы устало, потом опустились вновь. Ветеринар с усилием повернулся на бок и приподнялся на локте. Довольно долго он оставался в такой позе, поникнув головой, отчего волосы светлой волной свесились ему на лицо. Казалось, он все еще не сознавал, что происходит. Потом он снова лег на спину, бессмысленно моргая на яркое пятно света.

– Боже мой, Саймон, зачем ты тычешь лампу ему в лицо? Лучше отойди подальше!

Несколько секунд Колин Лорд озадаченно вглядывался перед собой, соображая, что же с ним произошло. Он лежал на мокрой после дождя траве, одежда снизу основательно подмокла. Не похоже, чтобы его ограбили. Кто-то поправил то, на чем покоилась его голова, и ветеринар задался вопро-

сом, что все это значит.

Голова болела, особенно повыше правого уха, глаза так и норовили закрыться снова.

– Мистер Лорд! Мистер Лорд! Очнитесь, прошу вас!

Голос был встревоженный и, без сомнения, женский.

Не без усилия Колин разлепил тяжелые веки. Он смотрел на склонившееся к нему лицо, казалось, целую вечность, прежде чем вспомнил, откуда оно ему знакомо.

– Вы? Господи боже! – хрипло пробормотал он.

– Прошу простить, мистер Лорд. У меня не было намерения вредить вам... это вышло случайно и... и я весьма сожалею. Я хотела всего лишь поговорить.

Колин попробовал вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя так ужасно, – и не смог. Голова кружилась, тело отказывалось подчиняться. Хотелось закрыть глаза, чтобы ничего не видеть и не слышать, хотелось проснуться в собственной постели и ничего не помнить.

– Ну и удар у вас, мадам, – высказался он и попытался улыбнуться.

– Что?! Уж не думаете ли вы, что... Это все мои слуги! Должна сказать, они превысили свои полномочия! Вы ведь не слишком пострадали, мистер Лорд? В противном случае я никогда себе этого не прощу!

Девушка говорила слишком быстро. Колин никак не мог сосредоточиться. Он схватился за гудящую голову и нащупал припухлость над правым ухом. Прикосновение вызвало

новый приступ дурноты. Когда туман рассеялся, ветеринар огляделся. Поблизости маячило еще двое, один из них с лампой в руке – их тех, где за стеклом горит толстая восковая свеча. Значит, ему не померещилось. Слуги незнакомки были очень разные: крепкий парень с улыбочивым ртом и широким носом и другой, более хрупкого сложения, с настороженным выражением на узком лице.

Колин уловил за их спиной какое-то движение. Жеребец! Стараясь не всматриваться слишком пристально, чтобы не растревожить затихающую боль, он все же сумел разглядеть нижнюю часть морды – все, что оставлял для обозрения колпак. Судя по ширине ноздрей, животному требовалось немало воздуха, и это означало, что перед Колином отменный скакун. Словно поняв, о чем думает молодой человек, жеребец подошел ближе и зашевелил ноздрями, принюхиваясь. Трудно сказать, что за выводы были сделаны, но он отвернулся, потеряв интерес.

– Сегодня я видела, как вы вернули к жизни собаку малыша, – говорила между тем девушка таким тоном, словно похвала должна была пролиться бальзамом не только на душу Колина, но и на его травму. – Это было... так милосердно. Ваши знания, должно быть, велики, а опыт огромен. До сих пор мне не приходилось видеть ничего подобного! Вы были на высоте! Выше всяких похвал!

Ветеринар молча всматривался в ее лицо. Сырость и прохладный ночной ветерок мало-помалу отрезвили его и вер-

нули обычную проницательность. Эти бурные восхваления казались ему странными и неестественными, и никто не похищает человека только для того, чтобы расточать ему комплименты. Он решил подождать, чем все кончится. «Не так уж плохо, что она считает меня “выше всяких похвал”, – подумал он. – Пусть продолжает».

– Можно узнать, где вы всему этому научились, мистер Лорд? По всему видно, что человек вы образованный.

– В ветеринарном колледже, в Лондоне, – слабым голосом произнес Колин, для пушшего эффекта сопроводив ответ болезненным стоном. – Практику я проходил у самого Делабера Блейна...

– О, ветеринарный колледж! Мне хорошо знакомо это заведение. Отец, упокой господь его душу, всячески способствовал развитию ветеринарии и регулярно вносил деньги на счет колледжа, где вы учились. Представьте, он был ужасно раздосадован тем фактом, что такого рода заведение первым открылось во Франции, а потом уже в Англии! Сегодня я наконец поняла, как он был прав. По сравнению с вами любой коновал кажется невежественным дикарем.

Наступила пауза. Девушка как будто ждала реакции на свои слова, а не дождавшись, с тревогой взглянула в лицо Колина.

– Может быть, попробуете хотя бы сесть?

– Право, не знаю, смогу ли я...

– Минутку!

Торопливо, рывками натянув перчатку, девушка просунула ладонь под его затылок и помогла приподняться. Мгновение спустя окружающее закружилось и Колин ощутил, что валится на бок. Его подхватили руки девушки, она напряглась, словно не желая прикасаться к нему. Ситуация показалась Колину забавной. Так и есть – благовоспитанная юная леди! Должно быть, в ужасе от того, как далеко она зашла.

Скрывая улыбку, он навалился на хрупкое плечо девушки. Ее замешательство забавляло его чем дальше, тем сильнее. Переждав пару минут, он застонал и ослабил нажим, как бы приходя в себя после короткого обморока. Ухо его прижималось к плечу девушки, и он слышал, как лихорадочно стучит ее сердце. Он не спешил отстраниться, вдыхая довольно странную смесь запахов: дорогой лавандовый эссенции, мокрой кожи и дождя.

Наконец, потеряв терпение, девушка попыталась осторожно высвободиться. Слуги немедленно бросились на помощь, но, к удивлению Колина, она резко их остановила, напомним, что до сих пор их действия приносили больше вреда, чем пользы. Было совершенно ясно, что она не видит ничего смешного в сложившейся ситуации, сам же Колин наслаждался. В последнее время жизнь не баловала его сюрпризами.

Он отвлекся, но какой-то вопрос привлек его внимание.

– Что?

– Я спросила, не лучше ли вам.

– Немного, – пробормотал ветеринар, наконец отстранился и уперся ладонями в землю. Затем снова осторожно коснулся головы. «Гематома, – мрачно констатировал он. – Опухоль, кровоподтек. Хорошо хоть, череп не треснул».

– Итак? – обратился он к девушке. – Очевидно, вам что-то нужно от меня.

– Верно. И я собираюсь по-королевски расплатиться за услугу.

– Умоляю, мадам, не томите! Я еще не настолько оправился, любопытство может погубить меня. – И Колин слабо улыбнулся, показывая, что пытается шутить.

Убедившись, что похищенный больше не собирается падать в обморок, девушка встала и облегченно вздохнула, стянула с головы жокейскую шапочку.

Волосы тяжелой волной рассыпались по ее плечам. В свете лампы их густая волнистая масса казалась скорее темной, но Колин предположил, что при свете дня они отливают рыжиной, как свеженадраенная корабельная медяшка. Поскольку козырек шапочки больше не затенял лицо, можно было рассмотреть черты: изящный, чуть вздернутый нос, капризную линию рта, щеки, на которых пылал румянец. Особенно поражала белизна кожи. Колину невольно вспомнился драгоценный китайский фарфор, в котором его мать подавала чай. Девушка была, бесспорно, хороша, много красивее, чем ему показалось при первой встрече, и это было далеко не самое неприятное открытие за день.

– В чем дело? – осведомилась Ариадна, заметив, что ветеринар пристально ее разглядывает. – Никогда раньше не видели леди?

Она подчеркнула последнее слово, да и вообще говорила с привычной надменностью, хотя Колин расслышал за строгим тоном поддразнивание.

– Видел, но не в наряде, который будит воображение.

Ответ был довольно дерзким, и девушка демонстративно повернулась к Колину спиной, но не раньше, чем бровь ее приподнялась, а краска на щеках стала ярче. Подойдя к жеребцу, она принялась оглаживать его быстрыми нервными движениями.

– Сегодня вы продемонстрировали мастерство ветеринара по части собак, мистер Лорд, – помолчав, сказала она, и ласкающая рука задвигалась еще быстрее, выдавая волнение. – А как насчет лошадей? Приходилось вам иметь дело с... с беговыми лошадьми?

– Чистокровными или...

– В принципе! – последовал резкий ответ.

«Значит, речь идет о лошади чистейших кровей», – подумал Колин.

– Ну что я могу сказать? У лошадей, как правило, четыре ноги и хвост, а также грива...

– Речь идет о вещах серьезных! – перебила девушка, оставив жеребца и повернувшись.

– Прошу великодушно извинить, мисс, – произнес Колин

со вздохом, – но сейчас я не в лучшей форме для того, чтобы прочесть вам лекцию о достоинствах и недостатках различных пород и о болезнях, им свойственных. Что именно вы желаете услышать о беговых лошадях? Разводить их непросто. Часто они бывают слабыми, хрупкого телосложения, но это не спасает их от работы на износ на ипподромах. Обычно они умирают рано, потешив горстку привилегированных особ, которым просто нечем больше себя занять.

Девушка внимала ему довольно бесстрастно. Она прижалась щекой к морде жеребца и внимательно смотрела на ветеринара.

– Значит, слабые и хрупкого телосложения. Продолжайте.

– Это экзамен?

– Если хотите, то да.

– В Ньюмаркете мне приходилось присматривать за беговыми лошадьми, и я не раз видел животных с запалом. Их легкие были слишком малы, а костная структура слишком слаба, чтобы выносить забег за забегом. Сказать по правде, я жалел бедняг всей душой, но что я мог...

– Достаточно, мистер Лорд. Вы мне подходите. Дэниел!

Подойди и помоги доктору подняться.

Парнишка приблизился и протянул руку, за которую ветеринар не замедлил ухватиться. Притворяясь ослабленным, он тяжело поднялся и привалился к ближайшему дереву. С минуту Колин стоял с закрытыми глазами, ловя при этом каждый звук.

Приблизились тихие шаги, без сомнения, принадлежавшие девушке. Померещилось ему тогда или нет, что она отвела с его лба прядь волос?

– Вам нехорошо, мистер Лорд? – услышал он негромкий, встревоженный голос и ощутил легкое прикосновение к плечу.

– Постепенно все пройдет... надеюсь.

– Я тоже надеюсь, потому что в противном случае мне придется подыскать другого ветеринара, которому пригодится тысяча фунтов.

Колин ошеломленно раскрыл глаза, забыв о намерении и дальше симулировать головокружение и тошноту. Он уставился на девушку, потом переспросил:

– Тысяча фунтов?

– Совершенно верно. Именно такую сумму я намерена заплатить вам, если сопроводите меня в Норфолк. Не думаю, чтобы вам было известно местечко Бернем-Торп, но...

– Напротив, мисс, – рассеянно возразил Колин, пораженный названной суммой, – у меня... я знал кое-кого оттуда.

Тень прошла по его лицу при воспоминании о Горацио, лорде Нельсоне, вот уже пять лет спящем вечным сном в фамильном склепе.

– Вот и хорошо. Этот мир поразительно мал, не так ли, мистер Лорд? Бернем-Торп – всего-навсего деревушка на краю Норфолка, у самого океана. Полагаю, мало кто в Англии слышал о ее названии до тех пор, пока Нельсон не прославил ее.

– Вы правы, – подтвердил Колин, чувствуя стеснение в горле.

– Итак, мистер Лорд? Вас интересует мое предложение?

Голова у Колина шла кругом. За целый год напряженной работы он вряд ли мог заработать такую сумму! Тысяча фунтов! На них он мог бы открыть клинику... возможно, даже в богатом квартале! Мог заняться исследованиями.

– Однако, мисс...

– Миледи.

– ...Для начала мне нужно знать, с кем имею дело. Тот факт, что вы обо мне все знаете, а я о вас ничего, ставит меня в крайне неловкое положение. Полагаю, вам следует назвать свое имя, а также уточнить, какого рода услуг вы от меня ожидаете. Сумма немалая, и мое любопытство вполне понятно, не так ли?

Наступила долгая пауза. Девушка медлила, бросая нерешительные взгляды в сторону слуг. Казалось, она страшится назвать свое имя. Когда Колин уже решил, что не услышит его, она вдруг расправила плечи и встретила его взгляд. Очевидно, решение было принято.

– Перед вами леди Ариадна Сент-Обин, дочь графа Уэйбурна, – отчеканила она.

– Очень приятно, – любезно откликнулся Колин.

– То есть как это?.. Вы хотите сказать, что никогда не слышали моего имени?

– Нет. А что, должен был?

На этот раз между девушкой и слугами произошел откровенный обмен взглядами, после чего на их лицах отразилось облегчение.

– Дело в том, мистер Лорд, что я в бегах. По моим следам идут сейчас, должно быть, все ищейки Лондона, а может быть, и всей Восточной Англии.

– Вот как! – не скрывая иронии, воскликнул Колин. – И что тому причиной? Неужели все дело в том, что вы одеваетесь в мужское и выдаете себя за юношу? Может, вы даже украли все это...

– Я украла больше. Лошадь, которая принадлежит мне по праву, но может достаться моему брату – моту и транжире.

– Понимаю. Значит, вы хотите втянуть меня в семейную свару.

– За тысячу фунтов, мистер Лорд, не все ли вам равно, во что вас втянут?

– Вы полагаете, что я ухвачусь за эти деньги обеими руками? Интересно, что заставляет вас так думать?

– То, что вы человек простой, – надменно заметила девушка, – и к тому же небогатый, о чем можно судить по вашей одежде.

– А если дома я одеваюсь в шелка и бархат? Если я меняю все это на сукно и полотно только в рабочие часы? Согласитесь, неудобно во фраке ставить ведерную клизму лошади, у которой колики.

Шокированная до глубины души, девушка сначала побе-

лела как мел, потом покраснела как маков цвет.

– Однако, мистер Лорд!

– Ах, прошу прощения, что смутил вас! Тем не менее может статься, что мне придется заниматься и этим тоже, если вы наймете меня. Насколько я понимаю, услуги будут касаться присмотра за лошадью. Ну и конечно, сопровождения вас в Норфолк.

– Это не просто лошадь, а самая...

– Миледи! – перебили грумы в один голос.

Девушка бросила на них яростный взгляд, потом вцепилась обеими руками в волосы, растрепанные, но все же прекрасные.

– Вы правы, мистер Лорд, речь идет о присмотре за лошадью, которая не больна, но заслуживает хорошего ухода, потому что... потому что дорога мне как память. С ней ничего не должно случиться, понимаете? К несчастью, мой гнусный, отвратительный брат Тристан – он только что унаследовал титул лорда Уэйбурна – также желает получить Шареб-эр-реха. Он даже объявил награду за его возвращение. А это моя лошадь, моя!

Колин выслушал все, и подозрения его только усилились. Во всей этой истории было что-то не так, но на другой чаше весов лежала тысяча фунтов.

– Вот, значит, за какой лошадью я должен присматривать. За спорным имуществом.

– Можно сказать и так. Зовут его Шареб-эр-рех, что в пе-

реводе с арабского означает «быстрый, как ветер».

– А можно узнать, что такого ценного в этом животном? За что вы согласны платить тысячу фунтов?

С этими словами Колин протянул руку, чтобы коснуться жеребца. Тот неистово отпрянул в сторону.

– Советую вам оставить фамильярности. Это животное, как вы его только что назвали, своенравно и ревниво.

– В таком случае будем надеяться, что дело не дойдет до медицинской помощи, – сухо заметил Колин.

– Я тоже очень на это надеюсь. Что касается вашего вопроса... что ж, я готова удовлетворить ваше любопытство, мистер Лорд. Мой отец, шестнадцатый граф Уэйбурн, всю жизнь занимался разведением чистокровных лошадей и...

– Миледи! – снова воскликнули группы хором.

– Я знаю, что делаю! – резко произнесла Ариадна, и глаза ее упрямо сверкнули. – Итак, мистер Лорд, мой отец поставил целью вывести совершенно особую породу лошадей. Исключительно умных и... Шареб-эр-рех – последний представитель этой редчайшей породы...

– ...О которой мне хотелось бы узнать немного больше, – поощрил Колин.

– Эта порода... знаменита тем, что в шаге высоко поднимает копыта. Это красиво, понимаете? На параде, например.

– Понимаю.

– В недавнем прошлом все лошади на отцовской племенной ферме погибли от загадочной болезни. Все, кроме од-

ной, подаренной им лорду Максвеллу... – Эту фразу девушка закончила совсем тихо, и глаза ее стали печальными. – Сорок лет кропотливой и тяжелой работы пошли прахом...

– Болезнь, которую вы упомянули, так и не удалось определить?

– Увы. Могу лишь сказать, что начиналась она буйством, потом лошадь падала в конвульсиях и скоро умирала. К счастью, первый же случай так встревожил отца, что он немедленно забрал Шарб-эр-реха в Лондон, и тот избежал общей участи. Как вы думаете, мистер Лорд, что могло вызвать болезнь?

– Чтобы дать ответ, мне нужно просмотреть бумаги... ведь есть какие-то бумаги, не так ли? Лошадей осматривали?

– Да, конечно. Но нет ли у вас каких-либо догадок?

– Подобные симптомы характерны для многих лошадиных недугов. Зерно, пораженное грибком, например, приводит к сильнейшему отравлению и нередко к смерти.

– Грибок, вы говорите?

– И не один.

– Ах вот как... – подавленным голосом произнесла девушка.

Колин счел своим долгом подбодрить ее:

– Но ведь не все пропало, не так ли? Есть племенная кобыла.

– Это правда. Кобыла Газель. Как я уже сказала, отец подарил ее лорду Максвеллу, который... живет по соседству.

Именно по этой причине я должна – просто обязана – доставить Шареба в Норфолк. Эти животные – последний шанс восстановить породу. Если мы сумеем получить жеребенка от этой пары, нам удастся отчасти повернуть время вспять и сохранить наследие отца. – Внезапно глаза ее вспыхнули гневом, голос стал резче: – Если бы только мне не мешали! Тристану нет никакого дела до коневодства, а наследие отца интересует его только с практической точки зрения. Если его план сработает и Шареб-эр-рех окажется в его руках, он немедленно устроит торги, чтобы расплатиться с долгами!

– Хм... мало-помалу мне становится понятным ваше горячее желание оказаться в Норфолке, – сказал Колин, словно размышляя вслух.

– Вот и славно. Значит, вы мне поможете? То есть сопроводите меня в Норфолк, защитите Шареба от посягательств Тристана и заодно присмотрите за его здоровьем?

– Хм...

– Вы, может быть, сомневаетесь, что ваш труд будет оплачен? Я богата, мистер Лорд, даю слово.

– Вы утверждаете, – заметил ветеринар, не слушая, – что главным достоинством этой лошади является особенная походка. Однако, на мой взгляд, он чересчур поджар и длинноног для выступления на парадах.

– Это потому, что он недоедал.

– Несварение желудка?

– Вовсе нет. Переутомление и нервная встряска.

– И все же я вынужден заявить, что жеребец нисколько не похож на лошадь для парадов, – упорствовал Колин, желая в душе, чтобы животное хоть на минуту явилось его взгляду в естественном виде.

– Поймите же, это маскировка! – воскликнула девушка, раздражаясь.

– Разумеется, чтобы его не узнали и не донесли вашему брату.

– Вот видите, вы все прекрасно понимаете!

– Не все, но очень многое, – возразил Колин с улыбкой.

– Я тоже маскируюсь по той же самой причине!

– Разумеется, чтобы не дать возможности получить за вашу голову награду. Можно узнать, какова сумма?

Вопрос был задан так быстро и так неожиданно, что Ариадна ответила, не успев подумать:

– Полторы тысячи фунтов.

– Ах вот как! Хм... полторы тысячи за то, чтобы передать эту лошадь в руки вашего брата... – Колин небрежным жестом отвел прядь волос со лба и посмотрел вдаль, как бы в глубоком раздумье. – И всего-навсего тысяча фунтов за то, чтобы тащиться с ней аж до самого Норфолка, бросив неплохую ветеринарную практику. Человек с деловой сметкой не затруднится в выборе, не так ли? Заработать сумму в полтора раза больше и при этом не перетрудиться...

Ариадна уставилась на него во все глаза с выражением ужаса на лице.

– А что вас так удивляет? Судите сами – за полторы тысячи мне не придется даже покидать пределы Лондона, в то время как сотня миль до Норфолка...

– Вы негодяй, мерзавец, мошенник! Вы дьявол во плоти!

– Ничего подобного. Я, может быть, человек простой, зато не простак.

– Отлично! Вы получите свои полторы тысячи!

– Две.

– Тысячу шестьсот!

– Две.

– Тысячу восемьсот!

– Две тысячи, и ни фунта меньше.

– Ни за что!

– В таком случае говорить нам больше не о чем. Выбор сделан. Миледи, прошу следовать за мной!

– Дэниел! Саймон! Сделайте что-нибудь!

Грумы переглянулись и в нерешительности затоптались на месте.

– Но ведь жеребец стоит намного больше, миледи... – начал один из них.

– Какая разница, сколько он стоит! – закричала Ариадна, в ярости топая ногой, чтобы прекратить эти ненужные признания. – От вас двоих никакой помощи не дождешься!

– Виноваты, миледи! – последовал дружный хор.

Она повернулась к ветеринару, всей душой сожалея, что не может испепелить его взглядом. Он выглядел уверенным

в себе и возмутительно безмятежным, понимая, что все козыри у него в руках. Он встретил ее взгляд и слегка улыбнулся, почти заставив девушку заскрежетать зубами от бессилия и злости.

– Я заплачу вам эти злосчастные две тысячи, мистер шантажист, но знайте, что вы мне отвратительны!

– Это всего лишь набор слов, миледи. Я проявил мудрость делового человека, и ничего отвратительного в этом нет.

Она лишь молча сжала кулаки, пытаясь овладеть собой.

– Так что ж? Договор вступает в силу?

– Вступает, – процедила Ариадна сквозь зубы.

– Великолепно! В таком случае не будем терять ни минуты, тем более что мне придется наведаться домой за вещами, необходимыми в дороге, уведомить привратника об отлучке, а самое главное – собрать все необходимое по уходу за лошадьми. Вы, конечно, составите мне компанию? Желаете опереться на мою руку?

– Лучше поспешите! – отрезала Ариадна и вскочила в седло, сердито отмахнувшись от помощи грумов. – Чем скорее мы покинем Лондон и пустимся в дорогу, тем лучше. Если вы замешкаетесь, я уеду без вас!

– Один вопрос, миледи.

– Что еще? – сверкая глазами, осведомилась она.

– Я бы не прочь узнать, где вы намерены укрыться, когда доберетесь до Норфолка.

– Об этом можете не волноваться, мистер шантажист!

Отец не стал бы дарить племенную кобылу просто соседу.
Лорд Максвелл – мой жених!

Глава 3

Леди Ариадна ждала ветеринара на узкой, едва освещенной улице в Челси – самом непрезентабельном квартале Лондона. Когда все четверо оказались у обветшалого дома из тех, где квартирки сдаются внаем, она не удержалась от презрительной гримасы. И вот теперь Колин Лорд находился где-то в недрах этой развалюхи, а она... она всей душой жалела, что позволила втянуть себя в подобную авантюру.

Человек этот неприятно озадачил Ариадну. Он перехитрил ее так ловко, что это сводило с ума! К тому же ее сбивала с толку повелительная манера держаться, неожиданная и неуместная в простом ветеринаре. Он ее раздражал, сердил и... смущал. Да, смущал, вот именно смущал своей привычкой бесцеремонно разглядывать, своей многозначительной, уверенной улыбкой! На леди так не смотрят, это не принято! Не смотрят таким пристальным, долгим взглядом.

Внезапно Ариадну кинуло в жар – она решила, что от негодования. Да как он смеет!

Вообще ветеринар все время совал свой нос туда, куда не следовало. Например, старался выведать побольше насчет Шарб-эр-реха. Дай ему волю, он, наверное, сорвал бы колпак, да и попону заодно! Слава богу, маскировка помогла, а если она помогла даже с ветеринаром, остальные и подавно не догадаются. Лошадь для парадов – это она здорово при-

думала.

Однако ясно, что заблуждение Колина Лорда долго не продлится...

Голос одного из грумов вывел Ариадну из раздумий.

– Миледи, мы с Саймоном с тем же успехом можем сопроводить вас в Норфолк, – говорил Дэниел, и девушка подумала, не саднит ли у него горло от бесконечного повторения одной и той же фразы. – Вы ничего не знаете об этом... как его там...

– Ветеринар, – подсказал другой грум.

– Вот именно. Вы о нем ничего не знаете и потому не можете доверить ему свою жизнь и имущество. Он может вас ограбить по дороге, может оскорбить вас на словах...

– И на деле, – вставил Саймон.

– Оскорбить на деле? – озадаченно переспросила Ариадна. – Это как?

Грумы обменялись взглядами.

– Ну, не важно, – буркнул Дэниел. – Хватит и того, что молодая леди путешествует наедине с мужчиной...

– Ах вот что! Значит, намного приличнее, когда молодая леди путешествует с тремя мужчинами?

– Да, но мы оба...

– ...Знаете меня много лет. Я это уже слышала. Ваша тревога делает вам честь, и все же вернитесь в Уэйбурн-Хаус. Если Тристан еще там, скажите, что я вас отослала, сама же направилась... Пойдите-ка, кто из моих друзей живет в про-

тивоположном направлении? Ах да, леди Чедвик. Так вот, я направилась к леди Чедвик, чтобы укрыться у нее.

«Господи боже, когда наконец явится этот невозможный тип?!»

– Миледи, я все же хочу...

– Ни слова больше, Дэниел! Все твои доводы я выслушала и не нашла их заслуживающими внимания. Раз уж вы оба изводите от беспокойства, я извещу вас сразу, как только окажусь под покровительством лорда Максвелла.

– Да, но что подумает этот достойный джентльмен, когда вы постучите в его дверь в мужском наряде и в обществе какого-то постороннего мужчины?! Он будет шокирован!

Ариадна притворилась, что изучает обшарпанный фасад дома.

– Если даже он и будет шокирован, воспитание не позволит ему это выказать. Человек он великодушный, терпеливый, понимающий, к тому же мы обручены и подарок, который папа сделал ему в день оглашения помолвки, все равно что печать, скрепляющая наши узы. Чувство наше глубоко и взаимно, поэтому я не жду от лорда Максвелла иной реакции, кроме сердечной заинтересованности в моих делах. А теперь извольте оба удалиться.

– Миледи, я все же...

– Убирайтесь! – взорвалась Ариадна.

Но когда угрюмая пара со вздохами направилась вдоль по улице, она закусила губу, чувствуя, что вот-вот расплечется.

Все отдаляется от нее – отец, лошади, слуги, знакомые с детства; все это, одно за другим, безжалостно отбирается судьбой.

Пока шаги грумов не затихли вдали, девушка не нашла в себе мужества повернуться.

В тишине спящего нищего пригорода Ариадна так и сидела верхом на Шаребе и, механически поглаживая его по крутой шее, думала, думала: «Неужели нет ничего приятного, о чем я могла бы вспомнить сейчас? Максвелл! Милый, дорогой Максвелл, который разве что не поклоняется земле, по которой я ступаю. Он обо всем позаботится. Его покровительство и забота навсегда избавят меня от Тристана. Он сумеет оспорить завещание... должен суметь!»

Но как все это ужасно! Она потеряла отца, лошадей, дом, похоже, и репутацию тоже. Хорошо хоть, Максвелл еще при ней...

Ариадна вздрогнула. Что за странный ход мыслей! Она и Максвелл – любящая пара, и никто не в силах этого изменить.

Скрипнула дверь, и появился Колин Лорд. За ним, как привязанная, бежала беспризорная собачонка. Свой простецкий наряд ветеринар сменил на более приличный, хотя и далекий от элегантности (Ариадна не могла не отметить, однако, что одежда отлично подходит для дальней дороги в отличие от ее «маскировочного костюма»). Он как будто вполне оправился от травмы, нанесенной не в меру услужли-

выми грумами, и это порадовало девушку. Мягкосердечная по натуре, она мучилась угрызениями совести оттого, что по ее вине пострадал человек, тем более человек физически неполноценный. Запоздало задавшись вопросом, что было причиной хромоты Колина Лорда, Ариадна решила, что его лягнула лошадь.

Она вдруг рассердилась на себя. Мало того, что ее влекло к какому-то простолюдину, она еще готова охать над тем, что наверняка явилось результатом его собственной небрежности! И это после того, как он так ловко повернул ситуацию в свою пользу! Шантажист! Подло выудил у нее лишнюю тысячу фунтов, как будто у нее денег куры не клюют!

Теперь уже все в Колине Лорде раздражало ее: и его неспешная походка, и дворняжка, семенящая по пятам, и какой-то сундучок на плече, который ему взбрело в голову выволочь на улицу. Не собирается же он тащить его с собой! К тому же он, вероятно, пуст, раз уж этот тип несет его с такой легкостью!

Ветеринар между тем приблизился и опустил свою ношу на землю. Подхватив на руки крепенькую собачку, пятнистую и короткошерстную, он поднял ее к Ариадне – полюбоваться.

– Знакомьтесь. Это леди Ариадна Сент-Обин, а это Штурвал. Ну что, в путь?

– Штурвал?!

– Ну да, Штурвал – есть такая штука на корабле.

Колин усмехнулся, продолжая держать дворняжку на весу. Песик не сводил с новой знакомой живых карих глаз.

С минуту Ариадна не находила слов. Ее мучила мысль, что злосчастный удар по голове повредил ветеринару куда серьезнее, чем она предполагала.

– Вы что, с ума сошли? – наконец вырвалось у нее. – Что все это значит?

– Это значит, что я уже поступил к вам на временную службу и отрабатываю обещанную плату.

– Но ваш сундук!..

– Это не сундук.

Ветеринар наконец отступил со своим живым грузом, чтобы опустить его на землю, и Ариадна получила возможность лучше рассмотреть багаж, который только человек не в своем уме мог взять с собой, чтобы сопровождать беглянку. Это и впрямь оказался не сундучок, а нечто иное – похожее по форме, но не столь массивное и к тому же с эмблемой судна и выгравированной ниже надписью «Тритон». Ветеринар, тоскующий по морю? Скажите на милость!

– В таком случае что же это? – осведомилась Ариадна с нарастающим раздражением.

– Корабельный рундук. Куда бы я ни направлялся, я беру его с собой, так как вещица эта дорога мне как память. Однако я не настолько сентиментален, чтобы таскать за собой пустой рундук. В нем упакован хирургический инструмент, лекарства и кое-что из одежды.

– Очень хорошо, просто великолепно! Хотелось бы знать, что вы намерены делать со своим громоздким багажом. Как-то не верится, что нести его всю дорогу на плече.

– Этого только не хватало! – хмыкнул Колин Лорд и так посмотрел на девушку, словно из них двоих она была не в своем уме. – Следуйте за мной!

Не дожидаясь ответа, он снова забросил рундук на плечо и направился прочь. Собачка не отставала от него. Как ни была Ариадна раздосадована такой бесцеремонностью, ничего не оставалось, как направить жеребца следом. Впрочем, она решила немедленно разобраться с положением дел.

– Вот что, мистер Лорд, я вовсе не намерена мириться с вашими манерами, которые оставляют желать много лучшего! Вам бы не помешало знать свое место! Где вы набрались такой наглости? Хочу напомнить, что приказы отдаю я, а вы всего лишь мне служите!

Колин проигнорировал то, что про себя назвал «разносом», и только улыбнулся. «За свою жизнь я отдал столько приказов, мисс, сколько вам и не снилось!» – подумал он насмешливо. Однако, поразмыслив, решил, что ни к чему доводить ее милость леди Сент-Обин до белого каления. В отличие от него она была слишком молода, чтобы что-нибудь знать о жизни.

Стараясь не слишком наваливаться на больную ногу, Колин обошел здание, направляясь на задний двор. Леди Ариадна продолжала свою проповедь о примерном поведении

для людей низшего сословия, легкий шаг жеребца был едва слышен за ее голосом. Ветеринар снова подумал о том, как нелепо выдавать арабского скакуна за лошадь для парадов. Его все время приходилось сдерживать – должно быть, мечтал рвануться в галоп, вместо того чтобы идти шагом.

Что ж, за две тысячи фунтов она имеет право хранить свою тайну, рассудил Колин. У него нет никакого права совать нос в чужие дела.

К тому времени они достигли заднего двора, где стоял в ожидании мелкого ремонта небольшой экипаж, накрытый парусиной.

– А это еще что такое? – резко спросила леди Ариадна, хмурясь на парусину.

– Экипаж.

– Что вы намерены с ним делать?

– Как что? Запрячь в него ваше спорное имущество. – Задев краску, опасно разлившуюся по щекам девушки, Колин поспешно добавил: – Это будет куда лучшей маскировкой, чем колпак, вам не кажется? Кому придет в голову разглядывать тягловых лошадей?

– Знаете что, мистер Лорд! – взорвалась леди Ариадна. – Этот жеребец – чистокровный из чистокровных! Его нельзя запрягать, понимаете вы или нет?!

Внезапно Колин почувствовал, что терпение его истощается.

– Моя дорогая леди, помимо нас с вами, мы должны взять

в дорогу самое необходимое. Собаку я тоже не могу бросить на произвол судьбы. Надеюсь, вы помните, что от Лондона до Норфолка более ста миль пути? Возможно, вам не приходило в голову, что наличие лошади... существенно облегчает дело в подобных случаях. Можно, конечно, нанять другую, но разве что днем, а время не терпит. Короче говоря, мне ничуть не интересно, что это за лошадь – самый последний мул или гордость Англии. Это лошадь – и дело с концом. Будь я проклят, если буду топтать пешком сто миль с багажом на плече.

Рот Ариадны сам собой приоткрылся, и она даже слегка отшатнулась от неожиданности. Высказывая все это, ветеринар не повысил голоса. Гнев его был сдержанным, но тем более впечатляющим, поскольку невозможно было предположить его силу. Ариадна ощутила, что Шареб-эр-рех напрягся всем телом, словно понял сказанное от слова до слова.

Стиснув зубы от негодования, Ариадна огляделась – приближался рассвет.

– Поймите же, – умоляюще заговорила она, – Шареб никогда не опускался так низко, чтобы тянуть экипаж, и попросту не умеет этого делать.

– Научится.

– Он запряжится! Он будет лягаться! Он ни за что не позволит!..

– В таком случае наше бегство будет затруднено задержкой.

Беспощадная логика рассуждений Колина Лорда, его авторитетный, какой-то даже командный тон уязвляли Ариадну. Вот и теперь он спокойно ждал ответа.

– Могу себе представить, что за кошмарное путешествие нас ждет!

– От вас самой зависит, каким оно станет.

– Боже мой, как же я сожалею, что с вами связалась!

– Еще есть время передумать.

Ветеринар пожал плечами и принялся сворачивать парусину, прикрывавшую экипаж.

– Что? Передумать? Добираться в одиночку, а вас оставить здесь? Да вы тут же броситесь в Уэйбурн-Хаус, сообщить, что я все еще в городе! Нет уж, увольте! Вы отправитесь со мной, нравится это вам или нет, потому что слишком много знаете!

– В таком случае вы запряжете эту лошадь в экипаж, нравится вам это или нет, ваша Сварливая Милость!

– Как вы смеете оскорблять меня! – прошипела Ариадна, кипя от возмущения.

Колин Лорд не удостоил ее ответа. Он скрестил руки и приготовился ждать столько, сколько понадобится, хоть целую вечность. В его взгляде не было вызова, только уверенность, что у нее нет выхода. Как ни была Ариадна рассержена, она не могла еще раз не заметить, как внимательно смотрят эти синие глаза и какой ум светится в них.

Вот уж чего ей совершенно не следовало замечать ни сей-

час, ни в первую встречу! Сам по себе вульгарный, этот интерес к человеку ниже по происхождению не имел будущего, не имел вообще никакого смысла! Конечно, для простолюдина Колин Лорд держался с большим достоинством и обладал некоторым обаянием, а уж командовал с таким видом, словно имел и титул, и благородных предков – одним словом, словно имел на это право.

Это вызывало уважение, навевало мысли о равном положении, а значит, и интерес. Это было совершенно неуместно... нелепо!

И потом, как можно даже думать о другом мужчине, будучи невестой Максвелла? Он и красивее, и элегантнее.

Вот уж у кого на самом деле предки, титул, благородство. А этот, с позволения сказать, ветеринар? У него даже собака беспородная, не говоря уже о нем самом! Было бы на кого обращать внимание!

И все же... все же...

Ариадна заставила себя перевести взгляд на заднюю стенку сооружения, еще более уродливую, чем фасад, хотя это казалось невозможным, и махнула рукой в сторону экипажа.

– Откройте... это! – процедила она сквозь зубы.

Уголком глаза она заметила, что Колин Лорд сделал странный жест, как бы коснувшись несуществующей фуражки, и снова взялся за парусину. Не ожидая ничего хорошего, Ариадна все же была заинтригована и покосилась через плечо. На случай, если ее любопытство будет замечено, она

скривила рот в презрительной гримасе.

Песик, которому она недавно дала такую пренебрежительную характеристику, вертелся у ног хозяина. Был он по-своему симпатичный, крепкий и ухоженный, с висячими мягкими ушками и быстрыми умными глазками. Короткие лапки не мешали ему быстро бегать, а хвостик приветливо помахивал от избытка чувств. Иногда он потягивал, как бы говоря: «я здесь, хозяин, я с тобой!»

Наконец ветеринар ласково отогнал песика, и тот заинтересовался Шарб-эр-рехом. Привстав на задние лапки, он попробовал дотянуться до морды жеребца, потом припал на передние, неистово виляя коротким хвостом. Шарб прижал уши и потянулся к нему. Ариадна отпустила поводья, и вскоре два принюхивающихся носа соприкоснулись.

«Штурвал, скажите на милость!» – подумала Ариадна, смягчаясь.

– Дело за вами, – услышался голос Колина Лорда, о котором она ненадолго забыла.

Как и о презрительной гримасе. Ариадна вздрогнула, повернулась – и экипаж предстал ее взору. Это была двуколка с откидным верхом и сиденьем настолько узким, что на нем едва могло уместиться два человека. Ей что же, придется всю дорогу до Норфолка прижиматься к постороннему мужчине?

Колин Лорд нагнулся, чтобы достать из-под сиденья упряжку. Ариадна поймала себя на мысли, что разглядывает

его спину. Это была крепкая спина, и плечи тоже, и... боже, она ведет себя совершенно неприлично! И по меньшей мере странно. За все время знакомства с Максвеллом ей ни разу не пришло в голову разглядывать его спину и оценивать ширину плеч.

Колин Лорд выпрямился и повернулся.

– Итак? – произнес он, многозначительно глядя на Шарб-эр-реха.

– Наличие экипажа предполагает наличие лошади, – заметила Ариадна, снова ошестиниваясь. – По крайней мере я так думала.

– И вы совершенно правы.

– Ага, значит лошадь есть! Вот ее и запрягите!

– Не получится. Три дня назад она умерла.

– Как это мило! У ветеринара умерла лошадь. – Ариадна зло рассмеялась. – Теперь я вижу, как неразумно поступила, наняв вас.

Колин Лорд, стиравший ветошью влагу с сиденья, застыл, потом медленно повернулся.

– Моей лошади было двадцать девять лет, – сказал он очень ровным тоном.

Ариадну снова бросило в жар, на этот раз от стыда. Каков бы ни был ее характер, она не была ни злой, ни бестактной.

С полминуты она сидела, уставившись на колпак Шарб-эр-реха и не в силах поднять взгляд. Двадцать девять лет для лошади было возрастом долгожителя. В первую очередь

это говорило об исключительно хорошем присмотре.

– Мистер Лорд, мне очень неловко, – наконец выдавила она. – Это была ужасная бестактность.

– Да уж.

Закусив губу, девушка подняла быстрый взгляд на ветеринара. Он улыбнулся, но она заметила в улыбке оттенок печали и не сумела улыбнуться в ответ. Очевидно, умершая лошадь была по-настоящему дорога ему.

– Чем ссориться, давайте лучше подружimsя, – предложил он, приподняв неожиданно темную бровь.

Ариадна с усилием отвела взгляд.

– Давайте, – согласилась она, все еще чувствуя вину.

– Отлично. Для начала нужно будет все-таки запрячь ваше драгоценное четвероногое в экипаж. Солнце встает, скоро проснется город. Нужно спешить.

Девушка кивнула и спешила. Все вышло именно так, как она и предсказывала. Шаребу достаточно было одного взгляда на упряжь, с которой Колин Лорд к нему приблизился, чтобы шарахнуть в сторону.

– Сами видите, ничего не выйдет. Он попросту не дастся.

Не отвечая, ветеринар упрямо подступил к жеребцу вторично. На видимых частях кожи у Шареба выступил пот, он повернулся и вперил в хозяйку умоляющий взгляд.

– Бедный ты мой, бедный...

Ариадна взялась за уздечку и потянула жеребца за собой в сторонку. С опаской покосившись на Колина с его упряжью,

Шарб сунул голову девушке под мышку, издавая тихие обиженные звуки. Она принялась шептать ему на ухо слова утешения.

– Мой дорогой, мой хороший, я не дам тебя в обиду этому живодеру...

Жеребец затих, но одно остроконечное ухо по-прежнему было повернуто в сторону Колина Лорда.

– Этот живодер полагает, миледи, что время идет.

– Говорю вам, ничего не выйдет! Взгляните, он надулся!

– Лошади не дуются.

– А как по-вашему, что с ним? Только посмотрите на выражение его морды! Он дуется. Ваша идея была глупой и... другой у меня нет, но...

– Тогда давайте покончим с этой сценой и запрежем его. Или, может быть, вас устроит оказаться в Норфолке через месяц?

– Мистер Лорд, вы так раздражающе практичны, что у меня нет слов!

– А вы, миледи, так медлительны, словно не пустились в бега, а дали обет не двигаться с места. Попробуем вместе.

Я буду держать ему голову, а вы наденете упряжь.

– Я? Надену упряжь? Да я понятия не имею, как это делается! В тех редких случаях, когда я сама правила экипажем, его закладывал грум. Вам, как видно, не понятно, что это занятие ниже достоинства леди! Я буду держать ему голову, а вы делаете что нужно.

– Нет, мы поступим, как я сказал. Может статься, в пути вам придется делать это, так что учитесь сейчас.

– Вы что, снова командуете, мистер Лорд?

– Именно так. Берите упряжь.

– Я не позволю вам так себя вести! Командую в этом деле я!

– Нет, вы его только финансируете. А теперь берите упряжь, и покончим с этим.

Не дав Ариадне времени продолжать препирательства, Колин Лорд бросил ей упряжь. Поскольку девушка недостаточно быстро и ловко подхватила всю эту охапку железяк и кожаных ремней, та свалилась на землю. Оба разом бросились подхватить упряжь, стукнулись лбами и отскочили. Довольно витиеватое проклятие сорвалось с губ ветеринара.

– Прошу прощения! – пролепетала Ариадна, все-таки поднимая упряжь.

– Нет, это я прошу прощения. Больно?

– Нисколько! Я тврдолая, знаете ли. Папа именно так меня и называл...

– И был более чем прав, – перебил Колин Лорд и продолжал, не обращая внимания на гневный румянец на ее щеках: – К счастью, людям порой свойственно меняться к лучшему. Вы, я вижу, все же решили запрячь свою лошадь. Вот и славно. Поверьте, вам же будет лучше, если вы научитесь не только приказывать, но и подчиняться. Избалованная леди – не лучший компаньон в путешествии.

– Избалованная? – возмутилась Ариадна, выпрямляясь во весь рост. – При чем здесь это? Говорят вам, мне отроду не приходилось закладывать экипаж! Это делали слуги – хорошо вышколенные в отличие от вас! Людей с манерами вроде ваших в обществе называют «боров»! Так вот, вы боров и есть!

– Я человек, а не боров, и это видно невооруженным глазом по отсутствию клыков.

– Что?!

Колин Лорд забрал у Ариадны упряжь, расправил и снова протянул ей.

– Вы что, издеваетесь? У моржей, кстати, тоже есть клыки, но я не морж.

– С чего вы взяли?

– Вы издеваетесь! Немедленно прекратите!

– Только когда вы перестанете упрямитесь и начнете – под моим руководством, разумеется, – закладывать экипаж. Предупреждаю, если не подчинитесь, я пойду завтракать и оставлю вас на произвол судьбы.

Наступило молчание, сопровождаемое поединком взглядов. Ариадна сверкала глазами и яростно комкала в руках ремни упряжи, на лице Колина Лорда отражалась спокойная уверенность, и лишь самые уголки губ приподнялись в усмешке.

Вместо того чтобы принять сторону хозяйки, Шареб-эр-рех внезапно прижал уши и с любопытством начал приню-

хиваться к незнакомым предметам в ее руках.

Что оставалось делать? Хотя в душе она рвала и метала, леди Ариадна Сент-Обин, дочь шестнадцатого графа Уэйбурна, начала закладывать экипаж.

– Должен признаться, я ожидал от тебя большего, чем жалкие отговорки.

Тристан приподнялся, стиснув подлокотники кресла с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Милорд, это не просто отговорки...

– Сядь.

– Вы должны мне верить!

– Сядь.

Он повиновался, чувствуя, как промокает под мышками одежда от холодного пота.

Несколько бесконечно долгих минут Клив просто разглядывал его. Взгляд казался совершенно безмятежным, но было в нем что-то от гипнотической власти медиума. Перстень с фамильной печатью тускло поблескивал на ухоженной руке, ни один волосок не выбивался из прически, и только плечи, слишком широкие для аристократа, нарушали гармонию, пусть даже их облекал безукоризненно скроенный костюм.

– Обычно я бываю более прозорлив, – наконец произнес Клив задумчиво. – Мои должники считают за лучшее платить долги в срок, а не удваивать их.

Он принял еще более непринужденную позу – казалось,

бессознательно, но это был точно рассчитанный эффект, подчеркивающий ужасную власть почти немигающего взгляда.

– Сэр, мне так везло в тот вечер! Я никак не думал, что...

– Разумеется, ты не думал. Ты еще слишком молод и глуп, чтобы предвидеть последствия. Вот так люди и попадают в истории. В очень, очень неприятные истории.

К этому моменту Тристана пронизал такой ужас, что он физически ощутил его в себе. Ужас густым черным туманом клубился, щупальцами обвивал каждый орган и неумолимо подбирался к сердцу, чтобы его остановить.

– Милорд, клянусь, я расплачусь с долгом!

– Правда? Очевидно, в этой непутевой голове возник очередной великолепный план. Можно полюбопытствовать, какой?

– Я... я решил попросить отца отказать мне часть наследства прямо сейчас! – выпалил Тристан, не в силах оторвать взгляда от темных глаз, в которых не было ни жалости, ни понимания.

– Понятно. Граф, очевидно, пожелает узнать, для какой цели тебе понадобились деньги. Что же ты ответишь? Что по уши в долгах? Что одному мне ты должен более десяти тысяч фунтов?

Тристан не находил в себе мужества даже мысленно назвать сумму самого грандиозного из своих долгов. Молодой человек побледнел и судорожно сглотнул.

– Ты же не настолько глуп, чтобы тешить себя надеждой, что в этом случае получишь деньги. Ты слабак, Тристан. Будь ты покрепче, ты не просил бы подачек, а просто взял то, что однажды все равно станет твоим.

– Вз-зял бы?

– Почему бы и нет?

– Как?! Убив отца?

– Ты сказал это, Тристан, а не я, – лениво заметил Клив, раскуривая сигару. – Разве я предлагал что-нибудь подобное?

Тот только бессмысленно тарачил глаза на своего мучителя.

– Говорил или нет?

– Нет, но...

– Короче, я желаю получить свои деньги назад, – продолжал Клив, с небрежным изяществом стряхивая пепел. – К твоим услугам несчетное множество интриг, каждая из которых приведет к цели. Но советую поторопиться, потому что я устал ждать. Тебе ведь не хочется, чтобы блестящий лондонский сезон, который начнется для тебя так неудачно, закончился и того хуже.

Только тут, впервые за все время разговора, Клив улыбнулся. Его улыбка, при всей ее благожелательности, была даже страшнее для Тристана, чем зловещее бесстрашие.

«И того хуже...» – эхом отдалось не только в сознании молодого человека, но и во всем его существе, как отдавалось

с тех самых пор день и ночь, в унисон с биением сердца.

Ужасный разговор имел место два месяца назад, но был так свеж в памяти, словно произошел вчера. По мере того как миля за милей ложилась за спиной, по мере того как мимо мелькали люди и лошади, росла отчаянная решимость, гнавшая Тристана вперед. Нахлестывая кобылу, он молился в безумии отчаяния: «Боже милосердный, помоги перехватить Ариадну! Помоги заполучить Шареба!»

Потому что где-то в мире, как безжалостный хищник, таился Клив. Пока он выжидал, но в любой момент мог совершить прыжок и вонзить когти в жертву.

«Закончится и того хуже».

О долговой тюрьме не говорят с такой леденящей кровью многозначительностью. Да и что толку запрятать его, Тристана, за решетку? Пять месяцев отделяет его от двадцати пяти лет – по английским законам, возраста совершеннолетия, – и до тех пор ни один суд не может предпринять каких-либо шагов в отношении наследства.

Тристан судорожно стиснул поводья, не замечая боли.

И зачем только он тогда рассказал все отцу! Ведь было ясно, совершенно ясно, что граф поступит именно так, как он и поступил. Сколько ошибок! Надо было лучше присматривать за сестрой. По крайней мере оставался бы шанс расплатиться, шанс спасти больше, чем свое доброе имя, – свою жизнь! И очень возможно, жизнь этой наивной девчонки!

Тристан угрюмо уставился поверх головы лошади, ничего

не видя впереди.

«Если бы только я сидел сейчас верхом на Шаребе, а не на этой кляче. Да, но в таком случае мне было бы вообще ни к чему находиться здесь!»

Молодой человек почувствовал, что теряет ясность рассудка, и с силой помотал головой.

«Шареб далеко, – думал он, все глубже погружаясь в пучину отчаяния. – И Ариадна тоже, это уж наверняка. А это значит... это значит...»

Улыбка Клива в очередной раз явилась ему, леденя кровь и душу, лишая остатков разума.

«Я должен догнать ее! Должен, чего бы мне это ни стоило!»

Тристан повторял эти слова снова и снова, чтобы заглушить другие, более страшные, но чем дальше, тем яснее звучало в топоте копыт:

«И того хуже, и того хуже, и того хуже...»

Глава 4

Для леди голубых кровей Ариадна неплохо справилась с поставленной задачей. Трудно сказать, думал Колин, кто из двоих – она сама или ее не менее чистокровная кляча – выглядел при этом более недовольным жизнью. Правда, она надела упряжь поверх хвоста и потом вынуждена была высвободить его. Шареб-эр-рех возмущенно прядал ушами и всхрапывал, лицо девушки пылало от смущения, зато Колин получил большое удовольствие от этого зрелища и с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться.

Когда экипаж был наконец заложен, леди Ариадна повернулась к нему, надменно вскинув голову.

– Довольны, мистер Лорд?

– Отчасти, – холодно буркнул Колин после долгой паузы.

– То есть как это – отчасти?! Все готово!

– Нет, не все, – возразил он, протягивая ей вожжи.

Ему отчетливо послышался скрип зубов. Девушка выхватила вожжи у него из рук и отвернулась. С Шареб-эр-реха было более чем достаточно. Когда хозяйка приблизилась еще с какой-то штуковиной в руках, он попытался подняться на дыбы, но хомут и дышла не позволяли.

Приблизив лицо к самой его морде, леди Ариадна посмотрела в глаза жеребцу.

– Мне все это нравится не больше, чем тебе! – прогово-

рила она шепотом, но настолько громким, чтобы Колин мог слышать. – Но нам придется через это пройти, так что смирись!

Удивительно, но животное тотчас перестало рваться из упряжки и замерло в неподвижности. Правда, вид у него был слишком недовольный для хорошо вышколенной лошади. Леди Ариадна сняла колпак, дав Колину возможность рассмотреть голову «спорного имущества».

Ветеринар затаил дыхание. Голова была точеной, ошеломляюще прекрасной; вдоль умного широкого лба шла белая отметина, очень заметная на медно-рыжей шкуре. Взгляд карих с синим отливом глаз был так разумен, что казался человеческим.

– Превосходное животное! – вырвалось у Колина, и он потянулся приласкать жеребца.

Тот оскалил зубы и чуть не откусил ему пальцы.

– Он что, не любит комплименты?

– Он предпочел бы уважение!

– Очень может быть, но на одном уважении далеко не уедешь, а нам нужно в Норфолк. Продолжайте, сделайте одолжение.

– Ваше поведение оскорбительно!

– Зато ваше весьма лестно для меня. Я хочу сказать – мой экипаж еще ни разу не закладывала настоящая леди.

Девушка испепелила Колина взглядом, потом повернулась к жеребцу. После недолгих уговоров удила все же оказа-

лись у него во рту. Шареб-эр-рех тут же принялся их грызть, не спуская взгляда с Колина, и тот мог бы поклясться, что мысленно жеребец пережевывает его откушенные пальцы.

Однако тот прекратил упрямитесь и без дальнейших протестов позволил приспособить вожжи. Леди Ариадна поправила ремень у него на лбу, затянула застежку на шее и установила шоры под правильным углом. Потом обошла лошадь и экипаж, как бы для того, чтобы полюбоваться делом рук своих. Однако двигалась она слишком медленно, бедра чуть покачивались, к тому же она постоянно отбрасывала изящным движением волосы за спину.

Это походило на обдуманную попытку обольщения – и надо сказать, успешную. Тело Колина тотчас откликнулось, и он с наслаждением вдыхал восхитительную смесь запахов, исходивших от нее.

Леди Ариадна вернулась на свое место и торжествующе посмотрела на него.

– Теперь-то уж точно все в порядке. Знаете, о чем я подумала? Раз уж нам предстоит такое долгое путешествие, не стоит превращать его а ад.

– Разумная мысль.

– Для этого потребуются лишь немного должного уважения с вашей стороны.

– И с вашей также.

Девушка приподняла бровь. Колин ответил тем же. Она снисходительно усмехнулась. Он оценивающе оглядел ее.

Она уступила первой, отвернулась и принялась оглаживать жеребца, однако вскоре повернулась снова.

– Я подумала... путь предстоит долгий, обращение «мистер Лорд» кажется мне слишком официальным. А между тем вы заслуживаете большего, как опытный ветеринар. Если я стану обращаться к вам «доктор», это как раз и будет знаком уважения с моей стороны. И потом так удобнее. «Мистер Лорд» вдвое длиннее, язык отвалится повторять...

– Язык отвалится? Я бы не возражал, – пробормотал Колин себе под нос, но не так тихо, чтобы леди не расслышала.

– Что такое?

– Я сказал, что ветеринар официально не признается доктором, так что вы погрешите против истины.

– А мне послышалось что-то оскорбительное.

– И не думал вас оскорблять.

– Очень надеюсь. Итак, что скажете? Сойдемся мы на «докторе»?

– Лестно, но, как я уже сказал, не соответствует истине.

– Ну и что? Поскольку на данном этапе вы мой личный ветеринар, в моей власти повисить вас в звании. Итак, решено! С этой минуты для нас с Шаребом вы доктор.

Глаза леди Ариадны радостно засияли, и Колин справедливо предположил, что ее порадовала эта маленькая победа, возможность хоть в чем-то настоять на своем. Вид у нее был более довольный, чем у королевы, только что взошедшей на престол и издавшей первый указ.

– Должна сказать: когда вы в очках, то очень похожи на доктора. Надеюсь, вы их захватили?

– Разумеется, – лаконично ответил Колин, не глядя на нее, поскольку в этот момент пристраивал рундук под сиденьем экипажа, вместе с попоной, недавно украшавшей спину лошади.

Кстати, о лошади, подумал ветеринар, обращая свое внимание на Шареб-эр-реха. Тот вовсе не выглядел озадаченным своим новым положением и, казалось, понимал, что его ждет. Колин вынужден был еще раз признать, что жеребец на редкость разумен.

– Вот и хорошо, что захватили, – продолжала леди Ариадна светскую беседу. – Прошу вас надевать их как можно чаще, просто чтобы меня порадовать, потому что в очках у вас вид вдвое внушительнее. Это будет утешать меня в предстоящей потере двух тысяч фунтов.

– Зато вы приобрели опыт при заключении сделок, – заметил Колин с философским видом.

– Это что же, новая насмешка? – подозрительно осведомилась девушка.

– Как можно! – воскликнул он подобострастным тоном, заставив ее негодующе вспыхнуть. – Я бы ни за что не осмелился насмеяться над своим работодателем, в особенности если он – женщина. А если он к тому же еще и леди, то во мне, чего доброго, проснется джентльмен!

– Пусть проснется, и чем скорее, тем лучше! – отчекани-

ла леди Ариадна, но глаза ее на этот раз не были сердитыми. – И не вздумайте прикрываться низким происхождением, доктор! Этим нельзя оправдать отсутствие манер.

– Я поучусь у вас, миледи.

Старательно хмурясь, они посмотрели друг на друга. Чувствовалось, что леди Ариадна готова рассмеяться.

– Так вы будете носить очки или нет? – процедила она, кусая губы.

– Это очки для чтения, а мне предстоит править.

– Когда я вас впервые увидела, вы не читали.

– Я хочу сказать, это очки для дальнозорких. Во время операций мне тоже приходится их надевать, иначе и надрез толком не сделаешь.

– Надрез? – с преувеличенным ужасом переспросила леди, зажимая рот рукой. – Вы хотите сказать, что режете... разное!

– Не разное, а только кожу и мышцы, да и то лишь тогда, когда это необходимо.

– Боже мой, какой ужас! Какой кошмар! Я буду молить Бога, чтобы никогда больше не увидеть ничего, подобного вчерашнему! Всадить иглу в брюхо ни в чем не повинной собаке!

– О, вы еще ничего не видели! Однажды мне пришлось делать ректальное обследование. Так вот, оно проводится с помощью резиновых перчаток...

– Довольно! Оставим подробности! Хорошо хоть, мы еще

не завтракали. Кстати, о завтраке. Хотите пирожок с черной смородиной?

Если она надеялась увидеть на лице Колина такое же отращение к еде, какое чувствовала сама, то просчиталась: уже давно ничего не могло лишить его аппетита. Он лишь благодарно кивнул, краем глаза заметив, что предложение вызвало живой интерес Шарб-эр-реха. Во всяком случае, тот вытянул шею, чтобы понюхать карман жокейской куртки хозяйки (именно оттуда через пару секунд появился небольшой сверток).

Колин понятия не имел, насколько голоден, пока не ощутил во рту слоеное тесто пирожка и кисло-сладкий вкус начинки. Жеребец внимательно следил за ним, так, словно готов был выхватить пирожок у него изо рта, потом снова ткнулся в карман хозяйки, на этот раз слегка фыркнул. Но вопрос так и не сорвался с губ ветеринара, поскольку Штурвал, как и он сам, остался накануне без ужина. Песик встал на задние лапки и неистово вилял хвостиком, выпрашивая кусочек. Несмотря на голод, Колин разломил остаток пирожка и отдал ему большую часть, а когда выпрямился, жеребец тоже что-то с довольным видом пережевывал. Неужели пирожок? Этого только не хватало!

С улицы уже доносился обычный утренний шум: стучали по булыжникам копыта, грохотали колеса тяжело груженных подвод, везущих на рынок всякую всячину. Птица проснулась где-то в кроне дерева и огласила мир своей простой

песенкой. Пора было пускаться в путь, чтобы затеряться в утренней деловой суете бедного пригорода.

Колин еще раз проверил упряжь, посадил песика в коляску и повернулся как раз в тот момент, когда леди Ариадна что-то скармливала жеребцу.

– Что это было?

– Пирожок, что же еще, – рассеянно ответила девушка, любовно наблюдая за тем, как ее подопечный слизывает с ладони крошки сахарной пудры, – с черной смородиной, если вам интересно.

– Чтобы больше этого не было.

Улыбка исчезла с лица леди Ариадны, глаза по обыкновению сверкнули, выражая возмущение.

– Уж не собираетесь ли вы контролировать каждый мой шаг, доктор? Шареб обожает пирожки и эль, так что...

– Эль?!

– Да, эль. Вы что, туги на ухо? Может, эль вы тоже запретите?

– Вне всякого сомнения. Как ветеринар, я не могу допустить, чтобы вы портили лошади желудок. Пирожки и эль, скажите на милость! Очень может быть, что он их обожает. Дети тоже обожают сладости, от которых портятся зубы. С этой минуты он будет питаться сеном, овсом, зерном – одним словом, тем, чем положено питаться лошади.

– Похоже, вы не понимаете. У обычной лошади никто не спрашивает, чего ей хочется, а Шареб – другое дело. Он при-

вык, что с его предпочтениями считаются. К тому же я угощаю его элем и пирожками чуть ли не с самого рождения, и ничего не случилось...

– До поры до времени, – сказал Колин.

– Проявите же хоть немного великодушия! Шаребу придется нас везти, его чувство собственного достоинства оскорблено! Оставьте ему по крайней мере его маленькие слабости!

Считая разговор оконченным, Ариадна достала очередной пирожок, положила на ладонь и протянула жеребцу. Ее тотчас ухватили за запястье.

– Я уже сказал, что запрещаю это безобразие.

Хотя ветеринар говорил все тем же ровным, спокойным тоном, слова его звучали как приказ. Ариадна опустила взгляд на свою руку, которая казалось такой маленькой, изнеженной и хрупкой в кольце крепких мужских пальцев. Подушечка большого пальца лежала прямо на ее пульсе, к коже прижимались твердые бугорки мозолей. На ее глазах эта рука спасла жизнь собаке, но и она же бесцеремонно пыталась удержать ее от невинного занятия, словно от преступления!

– Кто дал вам право прикасаться ко мне?

Колин Лорд продолжал молча удерживать ее руку.

– Нет, вы точно туги на ухо! Прошу вас немедленно отпустить меня!

– Только если вы дадите слово забыть про пирожки и эль.

– Это абсурд!

– Дайте слово.

Разгневанная Ариадна вскинула голову и с вызовом уставилась на ветеринара. И увидела, что глаза у него не синие, как ей поначалу показалось, а скорее серые, очень ясные, чудесного голубого оттенка, отчего зрачки кажутся не столько черными, сколько темно-фиолетовыми. Вся сила воли, весь несгибаемый характер Колина Лорда проступали в его взгляде, в чертах лица, в упрямой линии сжатых губ.

Ариадна вдруг поняла, что бесполезно взывать к его великодушию. Он принял решение, и никакие доводы не могли его поколебать. Что ж, она тоже упряма! Безумная идея пришла ей в голову. Она опустила взгляд, заставила ресницы затрепетать и улыбнулась.

– У вас красивые глаза, доктор.

С этими словами она прикоснулась к подбородку Колина Лорда – там, где на нем намечалась продольная впадинка. Результат был ошеломляющий. Пальцы на ее руке разжались, на лице ветеринара появилось растерянное выражение. Не теряя ни секунды, девушка сунула пирожок ему в ладонь и обеими руками зажала пальцы, стараясь расплющить лакомство, так и не доставшееся бедняге Шаребу.

– Вот, держите!

Оправившись от шока, Колин Лорд вырвал руку и потряс ею, чтобы стряхнуть липкое тесто. Когда оно шлепнулось на землю, он наступил на него сапогом и гневно растер.

– Ну, знаете ли! – с простодушным удивлением восклик-

нула Ариадна. – Вы перегибаете палку, доктор. Не лучше ли было отдать его собачке?

– Садитесь в коляску, – процедил ветеринар сквозь зубы.

Шароб-эр-рех прижал уши и неодобрительно покосился на него. Это еще больше рассердило Колина.

– В коляску! – грозно повторил он.

Леди Ариадна пожалала плечами и уселась, не скрывая торжествующей улыбки. Она устроила целый спектакль, усаживаясь, оправляя куртку, стряхивая с рукава пушинку. Колин ждал, стиснув зубы. Что ж, первый раунд она выиграла, думал он мрачно, но ей никогда не выиграть весь матч. Для этого у нее маловато и опыта, и силы воли.

Интересно, это была всего лишь уловка, когда она назвала его глаза красивыми, или она в самом деле так думает?

Черт бы ее побрал!

Разумеется, это была уловка, одна из тех женских ужимок, которые испокон веков застают мужчину врасплох! И нечего забивать себе этим голову. Лучше держаться настороже и отвечать выпадом на выпад, чтобы снова не оказаться в дураках.

Устроившись на узком сиденье, Колин взял вожжи и бросил косою взгляд на свою спутницу. Он полагал, что леди Ариадна будет жаться к самому краю, но она, как видно, решила обратить ситуацию против него.

– Я все больше прихожу к выводу, что это будет захватывающее приключение, доктор, – сказала она непринужденно,

подхватила ластящегося песика и устроила у себя на коленях. – Сами подумайте! Все будут выискивать леди из высшего общества, разодетую по последней моде, в то время как настоящая Ариадна Сент-Обин проскользнет у них под носом в мужском наряде. Это ли не авантюра! Я всегда мечтала о маскараде и благословляю минуту, когда мне в голову пришла эта идея. Как вы думаете, что скажет мой дорогой Максвелл, когда увидит меня?

– С вашим дорогим Максвеллом я не знаком. Откуда мне знать, что он скажет?

– Попробуйте хотя бы предположить. Допустим, ваша невеста внезапно постучит к вам в дверь в мужской одежде. Что вы о ней подумаете?

– Что она ошиблась дверью.

– Я серьезно!

– Если у нее найдется разумное объяснение для подобных странностей, значит, все в порядке.

– Хм... а вы любили кого-нибудь, доктор?

– Что-то не припомню.

– Но вы, конечно, мечтаете полюбить, как и каждый человек?

– Мечтаю не больше, чем подхватить скоротечную чахотку, – сухо ответил Колин и поерзал на сиденье.

– Вы шутите, а речь идет о вещах серьезных, – упорствовала леди Ариадна, памятуя о том, как недавно привела его в смущение. – Мужчина вы интересный... даже очень инте-

ресный, на мой взгляд. Если бы не очевидное неравенство нашего положения и не мой дорогой, горячо любимый Максвелл, я вполне могла бы увлечься вами.

– Вот как? – осведомился Колин, решив, что настало время для ответного выпада. – И как далеко вы могли бы зайти в этом увлечении?

– Что?!

– Вы что, туги на ухо? – Он повернулся, приподнял бровь и вперил в девушку многозначительный взгляд: – Итак, я с нетерпением жду ответа.

– Однако, доктор! – запротестовала леди Ариадна. – Щеки ее зардели. – Это вопрос не из тех, что принято задавать леди! Следите за своими манерами!

– Довольно странно с вашей стороны делать мне выговор. Ведь именно вы завели разговор на эту тему, а не я, не так ли?

Малиновый румянец разлился не только по лицу, но и по щеке девушки, что чрезвычайно порадовало Колина.

– Так как же, услышу я ответ на вопрос, логически последующий из разговора?

– Я не желаю больше обсуждать это! – отрезала леди Ариадна, надменно вскидывая голову.

– Досадно. Речь шла о таких захватывающих вещах! Леди из высшего общества, богатая наследница – и на тебе, способна упасть в мои объятия! Я чуть не умер от восторга – и вдруг все так неожиданно закончилось. Какой жестокий

мир!

Наступило молчание.

– Доктор, – наконец мрачно произнесла леди, глядя прямо перед собой.

– Да, миледи?

– Поезжайте!

Глава 5

По языку неприятно перекатывался кусок металла, который явно до него жевал кто-то еще. Кожаные ремни натирали кожу в самых неожиданных местах (в особенности тот, что проходил под хвостом). Все это было в высшей степени непривычно и неудобно, и, судя по тому, что напряжение в людях нарастало, готовилось что-то худшее, чего он пока не мог себе вообразить, но уже всей душой желал избежать.

Шарб-эр-рех сделал над собой усилие, чтобы не выдать всей глубины своих чувств, и бросил косо́й взгляд на того, кого с первой же минуты окрестил про себя врагом.

Тот же искоса смотрел на человеческое существо, которое Шарб привык считать своим, и только своим, и восхищался! Ревность и гнев охватили жеребца.

Если бы враг хоть на секунду утратил бдительность, Шарб ни за что не упустил бы возможности укунить или лягнуть его.

В этот момент он забрался в то, что теперь неразрывно было связано с Шарбом, взял длинные, свободно висящие ремни в руки, и все мысли о возмездии тотчас вылетели у жеребца из головы.

Самые худшие его подозрения оправдались! Догадка, которой он не желал верить, была правильна! Люди хотели, чтобы он волок эту штуковину!

Шароб-эр-рех повернул голову и бросил на хозяйку взгляд, полный укора и справедливого негодования.

Ариадна прочла все, что было написано в выразительных глазах жеребца.

– Доктор, я вас предупреждала! Добром это не кончится.

– Ничего страшного не случится.

– Нет, случится! Это не тягловая лошадь, у него есть чувство собственного достоинства! Видите, как он рассердился? А когда он сердится, то становится опасен...

Ветеринар слегка шлепнул вожжами по крутому боку жеребца – можно сказать, едва дотронулся, – тем не менее Шароб резко подался назад и окаменел. Ариадна и не подумала скрывать ехидную усмешку. Колин Лорд произнес:

– Вперед! – негромко, но повелительно, и жеребец вдруг подчинился, к ее неопишуемому удивлению.

Это нельзя даже было отдаленно назвать рысью, скорее прыжками запряженного кролика, но все же он двигался вперед. С каждым рывком хвост Шароба взлетал то вправо, то влево, экипаж подскакивал и дергался, и Ариадна задалась вопросом, как скоро у нее сместятся все позвонки.

– Должен признать, шаг у вашей лошади довольно необычный, – иронично заметил ветеринар. – Могу себе представить, каково сидеть на нем верхом во время парада.

– Очень смешно! – огрызнулась Ариадна, едва не откусив себе при этом кончик языка.

– Однако вы на нем ездите. Интересно знать, как вам это

удаётся?

– Годы практики!

Шарёб-эр-рех между тем тянул коляску с усердием отчаяния. Шея его была выгнута под неестественным углом, зубы оскалены, уши прижаты вплотную к голове, и хотя шоры не позволяли увидеть его глаза, можно было без труда предположить, что они дико выкачены. Темно-рыжая шкура кое-где уже покрылась клочьями пены.

И все же он вез их! Ариадна ощутила угрюмое восхищение ветеринаром. Помимо всего прочего, Шарёб никогда в жизни не выступал в такой низкой роли, не имел никакого опыта и даже врожденных способностей к этому. Принудить его было чем-то выше ветеринарного мастерства.

«Хорошо все-таки, что я встретила этого человека и наняла, – думала Ариадна, забывая, что еще несколько минут назад была противоположного мнения. – Есть в нем что-то... чему я пока не могу подобрать названия. Что-то помимо упорства, спокойной силы, чувства юмора. Все это неплохие качества, но он... на него можно положиться. За ним – как за каменной стеной. Очень странное чувство...»

Легкая морщинка пересекла гладкий лоб Ариадны. Положиться – да. А довериться? Можно ли рассказать Колину Лорду, какова истинная ценность Шарёба?

Постепенно жеребец нашел нужный ритм. Толчки и рывки смягчились, а потом и вообще сошли на нет, шея расслабилась, голова перестала задираться. Теперь он шел почти

приемлемой рысью.

– Хм... забавно... и по-своему интересно! – вслух рассуждала Ариадна. – Подумать только, Шареб-эр-рех тянет экипаж с людьми! Вот уж не думала, что доживу до такого дня. Вообще-то его поведение примерным не назовешь, но сегодня... я боялась, что он перевернет коляску вместе с нами и мы сломаем шеи. Передайте мне вожжи, доктор, я сама буду править.

Такой откровенный восторг был заразителен, тем более что ветерок бил в лицо, здания все быстрее неслись мимо, и наконец Колин поймал себя на мысли, что улыбается.

И в самом деле, Шареб справлялся со своей задачей. Оказалось, он был все-таки управляем. А как насчет его хозяйки?

Почему-то Колин снова вспомнил ее замечание насчет его глаз и снова задался вопросом, была это ловушка или истинное мнение леди Ариадны. Надо признать, она была странным образчиком женского пола. Как и в свою бытность морским офицером, так и ветеринаром Колин не сталкивался ни с чем подобным. Как правило, женщины определенного сорта держались вызывающе, в то время как приличные женщины соблюдали условности.

Поступки леди Ариадны нельзя было отнести ни к той, ни к другой категории. Они были смелы, но не безнравственны.

Возможно, она просто точила свои коготки на том, кого считала безобидной жертвой. Возможно, пыталась отпла-

тить за потерю внушительной суммы денег и за то, что вынуждена в чем-то ему подчиняться. В любом случае Колин не собирался становиться мишенью для проказ, которых у прекрасного пола в запасе великое множество. Он дал себе слово отплатить леди Ариадне той же монетой.

Однако в данный момент леди была далека от того, чтобы намеренно дразнить его, хотя бедра их соприкасались и лицо ее оставалось очень близко от его лица. Оно дышало сейчас простодушным нетерпением ребенка, увидевшего в магазине красивую игрушку и пожелавшего заполучить ее.

– Ну же, доктор, передайте мне вожжи! Вы уже правили, теперь моя очередь!

– Позже.

– Когда это?

– Когда выедем из Лондона. Там не такая сутолока, вот и будете править как вам заблагорассудится. Это ведь не то что ездить верхом.

– Послушайте, это в конце концов моя лошадь, и я прекрасно управляюсь с ней!

– Ну, раз так... – Колин пожал плечами и передал ей вожжи.

Восторженное выражение тут же исчезло с лица девушки. Сила ее рук не шла ни в какое сравнение с силой Колина, а опыта не было вовсе. Шареб сразу ощутил слабинку и рванулся вперед, так что ей пришлось уцепиться в вожжи изо всех сил. Вместо мягкого тормозящего натяжения жеребец

теперь чувствовал сопротивление, на которое инстинктивно ответил тем, что удвоил усилия. Леди Ариадне пришлось упереться ногами, чтобы не вылететь с сиденья. Костяшки пальцев у нее совершенно побелели, грубая кожа вожжей впиалась в ладони до боли.

– Славный сегодня денек, не правда ли? – беззаботным тоном заметил Колин, притворяясь поглощенным сменяющимися друг друга видами.

– Чудесный! – едва выдавила леди.

– У вас не осталось пирожков?

– Мужчины! – процедила она сквозь зубы. – Только о еде и думают!

Он усмехнулся. Сколько раз в прошлом ему, да и многим другим из тех, кого она заклемила собирательным понятием «мужчины», приходилось надолго забывать о еде.

Но что могла знать об этом аристократка? Что она вообще знала о жизни? Своенравная, смелая – и наивная. Должно быть, ей и в голову не приходило, как он реагирует на ее близость.

Черт возьми, а ведь он и в самом деле... эдак, пожалуй, скоро станет заметно! И как прикажете в таких условиях коротать время до Норфолка?

Колин покосился на свою спутницу. Та сидела в напряженной позе, с упрямо сжатыми губами, силясь удержать рвущегося вперед жеребца. Шареб-эр-рех отчаянно грыз удила, досадуя, что править взялась хозяйка.

– Что-нибудь не так? – заботливо осведомился Колин.

– Все оттого, что он не тягловая лошадь! – отрезала леди Ариадна. – А я не кучер! Я тут правлю, а он расселся, наслаждаясь видами! Было бы на что смотреть! Забирайте вожжи и займитесь делом!

– Я бы сначала позавтракал, – возразил Колин, бросив взгляд на дорожную сумку, набитую выпечкой. – Я ослаб от голода.

– Берите же! – в отчаянии воскликнула Ариадна.

– Как же я буду завтракать с вожжами в руках?

– А мне какое дело? Может, прикажете кормить вас с рук?

Колин наконец смилостивился и перехватил вожжи.

Ощувив опытную руку, Шареб сразу пошел ровнее и заметно успокоился.

– Эта идея насчет кормления с рук мне нравится, – сказал ветеринар после недолгой паузы.

С минуту леди Ариадна молча разглядывала его, потом глаза ее подозрительно засверкали. Что бы она ни задумала, ничего хорошего ждать не приходилось.

– Что ж, доктор... – Открыв сумку, девушка взглянула внутрь. – Так... с какой начинкой желаете? Есть яблочная, сливовая и смородиновая.

– Сливовая пойдет.

– Сливовая так сливовая.

Ариадна достала из недр сумки толстый кусок пирога, с боков истекающего густой желтой начинкой, и с мстительной

улыбкой поднесла к губам Колина.

– Пациент, откройте рот.

Тому ничего не оставалось делать, как подчиниться. Он разинул рот во всю ширь, на случай, если леди Ариадне вздумается намеренно испачкать ему губы сахарной пудрой.

Пирог приблизился вплотную...

Коляску как следует тряхнуло, и Колин ощутил во рту слоеное тесто, начинку и пальцы девушки. Ариадна отдернула руку, он – голову.

– Ай-яй-яй! – воскликнула она лукаво, вопреки краске смущения на щеках. – Пациент едва не откусил доктору пальцы. Начнем сначала. Скажите «а-а-а».

«Да уж, это будет захватывающее приключение», – с едкой иронией сказал себе Колин, вспомнив недавнее пророчество леди Ариадны.

Однако снова открыл рот, борясь при этом с желанием крепко зажмуриться. На этот раз все прошло удачно и он наконец сумел откусить часть предложенного угощения. Жуя, он заметил, что одно ухо Шареба повернуто в их сторону, словно тот старался не упустить ни звука. Более того, он сбавил скорость. Пришлось пошевелить вожжами, чтобы жеребец поторопился.

– Еще кусочек?

– Не откажусь, – сказал Колин и добавил: – Остальное скормите, пожалуйста. Штурвалу.

Пирог снова двинулся к открытому рту. Взгляд Ариадны

был прикован к его губам, но трудно было прочесть, что в нем. В такой близости аромат лавандовой эссенции буквально наполнял ноздри, отвлекая и волнуя.

Внезапно Колин сообразил, что леди Ариадна прекрасно это сознает и намеренно искушает его. Возможно, она не так уж наивна и неопытна, подумал он, и намерение воздать ей по заслугам за эту игру окрепло.

– Я уже говорила, что у вас обаятельная улыбка, доктор? Ах нет, речь шла только о глазах.

Колин закашлялся, мысленно проклиная ее.

– Нет, правда! Ваша улыбка совершенно обезоруживает, и поэтому вам следует улыбаться как можно чаще. Ошеломляющий контраст с мрачной миной у вас на лице. Скажите, у вас есть... нежный друг? Такой красивый, обаятельный мужчина просто не может быть одинок!

– Эта тема мне не по вкусу.

– Почему бы?

– Не по вкусу, и все тут.

– В чем дело, доктор? Не любите комплименты?

– Это больше напоминает грубую лесть.

– Не важно, что это, важно, нравится ли это вам.

Колин почувствовал, что у него начинает болеть голова.

– Так как же, доктор? Нравится вам...

– Ну, нравится! Что дальше? – раздраженно ответил он.

С этими словами Колин обратил на леди Ариадну дерзкий взгляд и в течение долгой минуты не отрывал его, предоста-

вив Шаребу самому выбирать дорогу.

Ариадна смутилась, а когда взгляд его скользнул ниже, совершенно потеряла присутствие духа. Только что она владела ситуацией и наслаждалась, играя в кошки-мышки с самоуверенным ветеринаром, но вдруг все изменилось. Под этим откровенным взглядом у нее возникло странное ощущение – что она выставлена на обозрение голой.

Предательская краска бросилась ей в лицо. Леди отвернулась, стиснув дрожащие пальцы.

– Итак? – осведомился ветеринар. – Будут еще комплименты? Или грубая лесть? Не важно что, лишь бы побольше.

– Смотрите на дорогу.

В ответ послышался смешок, и Колин Лорд наконец отвел свой вызывающий взгляд. Ариадна воспользовалась этим и отодвинулась в угол сиденья. Теперь ей хотелось, чтобы между ними было миль десять, не меньше. Стоило игре закончиться, как она остро ощутила близость мужского тела! От него исходили жар и чувство мощи!

Прошло пять минут. Десять.

Ариадна почувствовала, как саднит повлажневшие ладони, и потеряла их одну о другую.

Коляска подпрыгнула на выбоине, и бедро ветеринара снова прижалось к ее бедру. Ариадна окаменела, краем глаза заметив, что Колин Лорд поглядывает на нее с усмешкой.

– Беседа, – начал он назидательным тоном, – служит для того, чтобы скоротать долгие и однообразные часы дороги.

Ариадна ошетибилась, потом смягчилась. А ведь верно, беседа! Это отвлечет от крамольных мыслей.

– Что ж, давайте побеседуем. – Она поразмыслила и продолжила: – Сколько времени, по-вашему, нам понадобится, чтобы добраться до Норфолка?

Ветеринар повозился, устраиваясь поудобнее. Показалось ей или нет, что после этого его нога прижалась к ней еще теснее?

– Это зависит от множества условий. Наше тягловое животное находится в отличной форме и как будто больше не возражает против своей роли. Развитая им скорость внушает надежды. В это время года темнеет еще довольно рано... вероятнее всего, до заката мы проедем миль пятнадцать.

– Двадцать!

– Для первого раза ему столько не осилить. Вы же не хотите подорвать его здоровье? Нужно будет обеспечить ему долгий отдых с комфортом.

– И вознаградить хоть одним пирожком!

– Ни в коем случае!

– Доктор! – возмутилась Ариадна. – Я только что скормила громадный кусок вашей собаке, и вы не возражали. В чем, собственно говоря, разница? Они оба – животные.

– Разные, с различными пищеварительными системами. Собака может есть все что угодно, от фруктов до мяса, а вот лошадь рано или поздно заработает хроническое несварение от ваших сладких пирожков. Замените их морковкой или яб-

локом, если вам так уж хочется его побаловать.

– Но Шареб не любит яблоки или морковь! Он любит пирожки!

– И ни в чем себе не отказывает, я правильно понимаю?

– А как же иначе? Ведь он королевской крови.

– Интересное у вас представление о королях. Сидишь себе на троне, целый день лопаешь пирожки, запиваешь элем...

– Вы невыносимы!

– А вы с этой лошастью похожи по характеру, – не унимался Колин. – Тоже привыкли потакать себе во всем, требовать исполнения любой прихоти, которая только взбретет вам в голову.

Ариадна до того возмутилась, что какое-то время могла лишь молча сверкать глазами.

– Мистер Лорд! Вы забываетесь!

– Ну вот, я снова «мистер».

– Наше социальное положение так же различно, как-как... как пищеварительные системы лошади и собаки!

Подобное сравнение рассмешило Колина. Для человека сдержанного смеялся он заразительно и непринужденно.

Лицо его при этом светилось. Смеясь, он был не просто привлекателен – он был красив. Ариадне захотелось забыть условности, отбросить настороженность и от души посмеяться вместе с ним. Но он и так слишком стремительно ворвался в ее жизнь, поэтому она не уступит соблазну.

– Я не виноват в том, что забываюсь снова и снова, – ска-

зал Колин Лорд, успокоившись. – Как я могу обращаться с вами как с леди, если на вас наряд грума?

– Ага! – вскричала Ариадна. – Я же говорила, что это превосходная маскировка!

– Прекрасная. Возможно, вы сойдете за парнишку, но никак не за простолюдина... Возможно, вас вообще нетрудно узнать.

– Вы ошибаетесь, потому что никогда прежде меня не видели. Я имею в виду – в подобающем наряде. Ничего страшного, что этот маскарад не одурачил вас, – это и не нужно. Куда важнее одурачить моего брата, сыщиков, охотников за вознаграждением...

Очевидно, она вполне оправилась после недавнего поражения, потому что наклонилась к нему и спросила тоном флиртующей барышни:

– Значит, во мне не осталось ничего женского? Вы это имели в виду, когда утверждали, что я сойду за парнишку?

У Колина уже ломило плечо (править Шаребом было непросто), но он не удержался и посмотрел на девушку. Глаза ее сияли, как звезды. Она желала услышать отрицательный ответ. Щеки леди Ариадны горели от ветра, выбившаяся прядка медно-рыжих волос трепетала на плече. «Нет уж! – подумал он. – Никудышная у вас маскировка, миледи. На самом деле в вас нет ничего мужского».

– Хотите правду?

– Ну разумеется!

– Вы никого не проведете.

Ариадна отшатнулась, потому что это утверждение прозвучало слишком мрачно. Но серо-голубые глаза смотрели мягко, и она в который раз поразилась, до чего же они ясные. Штурвал завозился на коленях, и очень кстати. Ариадна принялась оглаживать песика, думая: почему, ну почему каждый раз, когда она пытается смутить Колина Лорда, все происходит как раз наоборот?

Однако она не собиралась отступать. Рассеянно глядя на пробегающие мимо деревья, Ариадна принялась разрабатывать новый план.

Коляска уже покинула город и катилась по проезжей дороге. Вот они миновали пруд с уткой и выводком утят, деловито плывущим к зарослям осоки.

Ариадна забылась, но ее оторвало от созерцания ощущение, что на нее смотрят.

– Похоже, я расстроил вас, – не без иронии произнес Колин. – Зачем заранее предаваться унынию? В данную минуту ваш маскарад – не самая серьезная проблема.

– Это вообще не проблема! – воскликнула Ариадна, хватаясь за возможность, которую он намеренно предоставил. – Дело в другом.

– Если вам нужно облегчить душу, я к вашим услугам.

– Что вы! Я не осмелюсь!

– А что такого? Помните, вы хотели, чтобы мы подружись, а ведь друзья делятся секретами.

– Однако вы что-то не спешите делиться своими.

– Что же именно вас интересует?

Ариадна откашлялась, изображая смущение.

– Когда я спросила, любили вы когда-нибудь или нет, вы ответили, что не помните...

– Допустим, я дурачился.

– Значит, вы любили!

– Секрет секрету рознь, миледи. Этот – слишком личный.

– Вы сами захотели поделиться секретами, так что отступить поздно. Расскажите мне о вашем прошлом, а я в ответ расскажу о Максвелле. Таким образом мы будем квиты.

– Да? Ну ладно. Нравилась мне одна ирландка...

– В самом деле? – Ариадна подвинулась ближе, как бы для того, чтобы их беседа стала доверительной. – Как ее звали?

– Какая разница? – усмехнулся Колин Лорд.

– То есть как это какая разница! Оставьте отговорки, доктор. Немедленно признавайтесь, как звали эту вашу ирландку!

– Орла.

– Итак, вы ее любили...

– Скорее восхищался ею с почтительного расстояния.

– Но вы были не прочь связать с ней жизнь?

– Для этого я ее недостаточно хорошо знал.

– Как так?

– Не имел возможности познакомиться поближе.

– Почему?

– Вы всегда так настойчивы в поисках истины?

– Увы. Папа говорил, что я слишком любопытна и что мне не следует совать нос в личные дела других. Но раз уж я плачу вам такие деньги, то имею право задавать любые вопросы, вы не находите? Итак, расскажите об этой девушке. Если она вам нравилась, почему вы не женились на ней?

– Потому что... – начал Колин, чувствуя, как меркнет улыбка на его лице, – потому что я сменил род занятий.

– Как интересно! Вы не всегда были ветеринаром?!

– Не всегда.

– Чем же вы занимались до этого?

– Убивал людей за солидное жалованье.

Он знал, что произнес это с мрачным, суровым выражением лица, но леди Ариадна, разумеется, приняла все за розыгрыш.

– Перестаньте, доктор! Скажите правду!

– Это и есть правда, которую я не желаю больше обсуждать.

– Да, но...

– Я не желаю обсуждать ее и не стану.

Пару секунд леди Ариадна смотрела на него, потом надулась и уставилась прямо перед собой. Колин решил, что она всерьез обиделась, и ощутил раскаяние. В конце концов он сам предложил доверительно побеседовать, и она любезно откликнулась. Правда, он не ожидал, что разговор сразу коснется прошлого. Простодушное любопытство леди Ариадны

затронуло секрет, который он предпочитал хранить и никогда не вытаскивать на свет божий. Нельзя сказать, что Колин жил с тяжким бременем стыда по поводу того, как закончилась его блистательная карьера; он принял перемены в своей судьбе и сжился с ними. Но тот (или та), кому случилось бы узнать подробности, вряд ли отнесся бы к ним снисходительно. Только мать Колина единственная поняла и не осудила его, однако он не мог ожидать того же от юной аристократки, впитавшей предрассудки своего класса с молоком матери. Когда-то этот класс осудил его и – что еще хуже – пожалел. Колин не желал возвращаться к прошлому.

– Доктор! Доктор Лорд! Я с вами разговариваю!

– Прошу прощения, – смущенно произнес Колин и подумал: «Недолго она дулась, однако». – Я весь внимание, миледи.

– Я спросила, что с вашей ногой. В чем причина вашей хромоты? На этот раз мое любопытство вполне оправданно, не так ли? Вы не можете отказать мне в ответе.

Колин едва удержался от проклятия. Не девушка, а мешок с вопросами!

– Хромота – это физический недостаток, миледи. Мое нежелание обсуждать его вполне оправданно, не так ли? Я имею полное право отказать отвечать.

– Физический недостаток? Хм... я об этом как-то не подумала. Хорошо, мы не станем обсуждать его, но причину-то узнать можно?

– Не думаю.

– Надеюсь, она не постыдна? В таком случае...

– Сама по себе нет, но с ней связано кое-что, о чем я предпочел бы умолчать.

– Разумеется. Так что же с вашей ногой?

– А почему это вас так интересует?

– Я выпытываю секреты только для того, чтобы потом рассказать о них первому встречному. Не так давно вы предложили мне облегчить душу, а теперь даже не хотите сказать, почему хромаете! Мне хочется знать, вот и все! Поверьте, я нахожу ваш физический недостаток... как бы это сказать... интригующим. Он вам к лицу.

– В жизни не слышал подобной нелепости.

– Тем не менее это так. Расскажите о вашей ноге.

Колин Лорд надолго умолк. Когда Ариадна уже решила, что ответа ей не дожидаться, он заговорил:

– Моя нога, миледи, состоит из нескольких крупных костей и множества мелких, а также мышц, сухожилий и кожи. Кроме того, в ней есть одна коленная чашечка и, должно быть, некоторое количество жира, но я не уверен...

Ариадна просто не могла устоять перед искушением и хорошенько стукнула Колина по плечу. Потом они вместе расхохотались, позабыв о разногласиях.

– Оказывается, вы не способны вести серьезный разговор, доктор! Ваша нога...

– А вы не способны оставить мою бедную ногу в покое.

– Я умираю от любопытства! Отчего вы хромаете?

– Ну ладно, – с неохотой уступил он. – Открытый перелом сросся не совсем так, как следовало.

– Но что было тому причиной?

– В меня стреляли.

– Стреляли?! – Ариадна против воли округлила глаза и приоткрыла рот. – Это, конечно, очередная шутка!

– Совсем нет. В меня действительно стреляли.

– Из ружья или из пистолета?

– Из пушки.

– Значит ли это, что вы были на войне, доктор?

– Да, я воевал.

– Боже мой, как же это раньше не пришло мне в голову! Теперь все становится на свои места. Вы, конечно, служили полковым ветеринаром в кавалерии! Но ведь это совершенно меняет дело! Вы должны были приобрести огромный опыт по части лошадей. Более того, теперь мне совершенно ясно, откуда взялась эта раздражающая привычка командовать. Надо было сначала побольше узнать о вас, а потом уже читать вам лекцию насчет манер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.